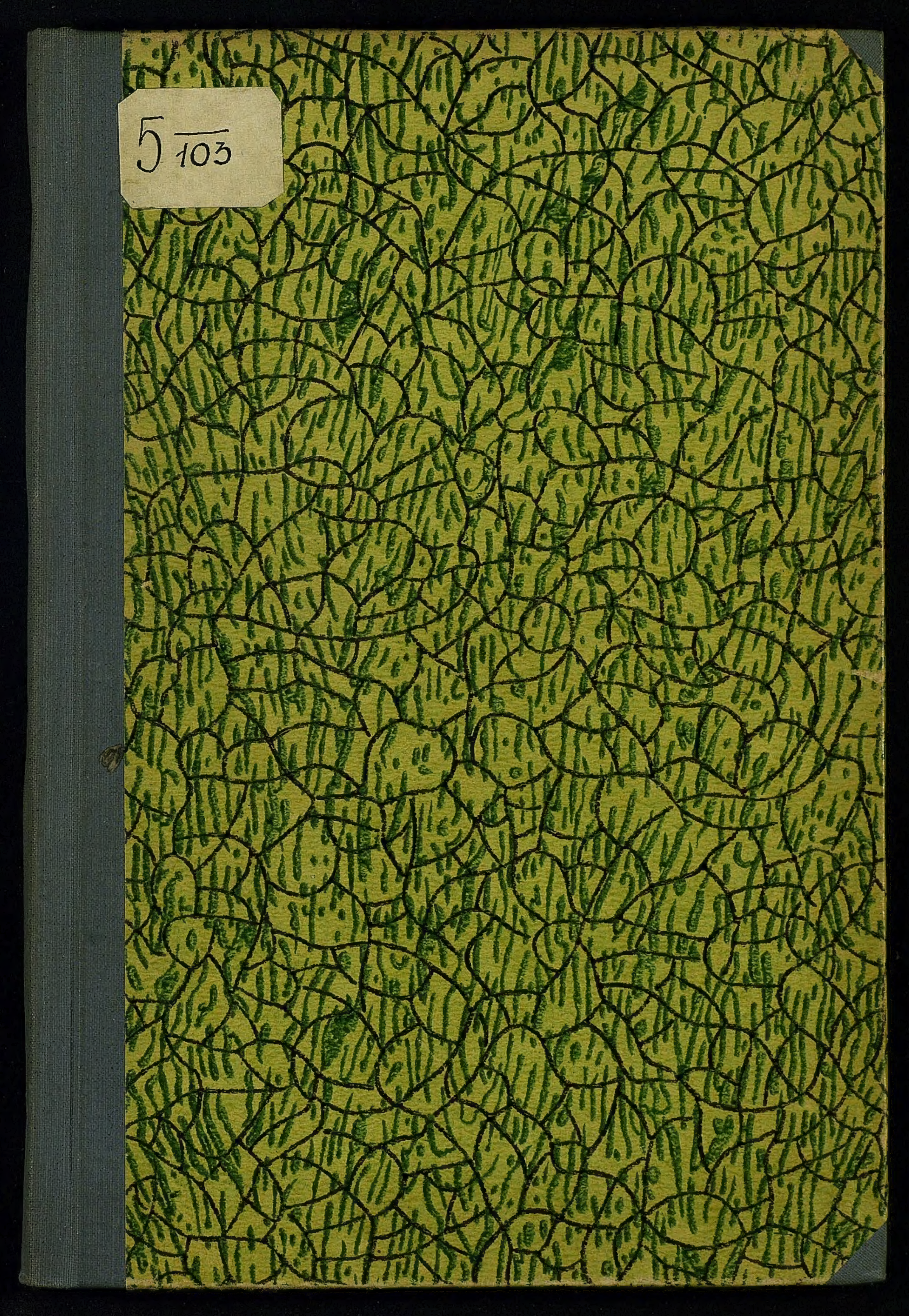
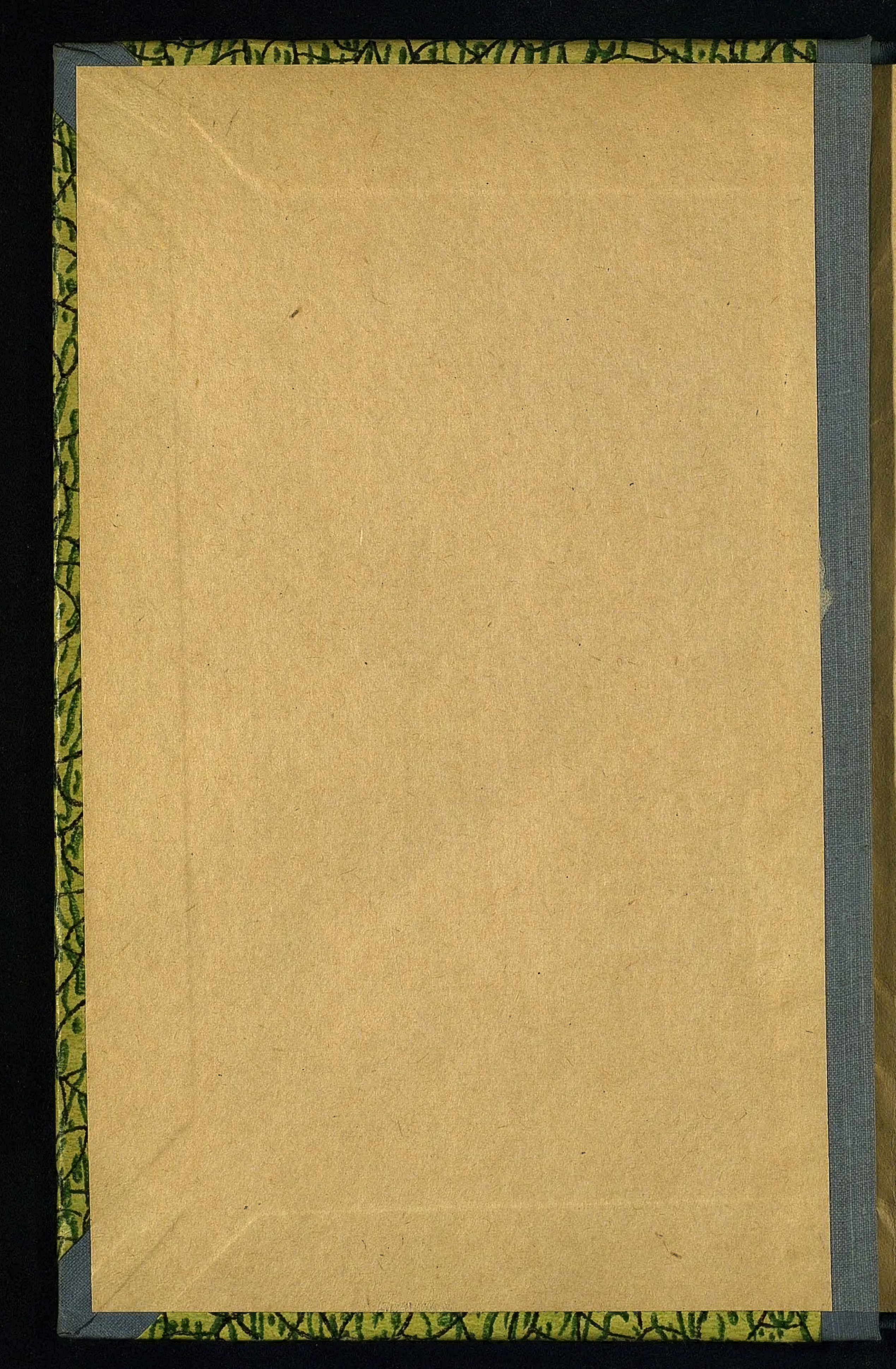

Старший Лейтенант Кромптон.

U-41.

Перевод с немецкого
А. Холодняка.

ПЕТРОГРАД.
Издание Морского Комиссариата.
1919.

Старший Лейтенант Кромптон.

U-41.

Перевод с немецкого
А. Холодняка.

ПЕТРОГРАД.
Издание Морского Комиссариата.
1919.

Отдельный оттиск из №№ 3 и 4. «Морск. Сборн.» 1919 г.

10-я Государственная Типография, в Главном Адмиралтействе.

U 41.

Назначение.

«7 флотилии прибыть Гельголанд пополнить запас угля».

Эту телеграмму мы получили в светлый, залитый солнцем августовский день, в Северном море. Мы изменили курс и, несколько часов спустя, все одиннадцать судов отдали якоря в так называемой «миноносной» гавани Гельголанда.

Каждому нашлось место: или у борта угольщика, или у транспорта с разными материалами, или просто у стенки. Прошло буквально несколько минут, и суда окутались уже тучами черной угольной пыли.

Кто мог сказать, что предстояло нам в одну из ближайших ночей? Надо во что бы то ни стало скорее пополнить запасы, а затем «держать ухо востро», в ожидании внезапного приказания.

Для тех, кто не занят на угольной погрузке, оставаться на корабле почти невозможно. Внизу, в палубах и каютах, от жары трудно дышать: все иллюминаторы, все лишние люки задраены наглухо, чтобы сколько-нибудь предохранить внутренность корабля от мелкой и тонкой угольной пыли. Духота еще усиливается тяжелым запахом масла, идущим с нагретым воздухом из машины. Немудрено, что каждый, свободный от работы, с радостью спешит воспользоваться возможностью сойти на берег, немного «размяться».

Я как раз оказался свободным. Пройдя через «угольщика» и ряд миноносцев, я вышел на пристань около мастерских и складов. Эти склады обладают, кажется, спо-

собностью дать все необходимое любому «плавающему существу»: на моем пути выростают целые горы пакли и ветоши, то и дело рискуешь споткнуться о какие-нибудь деревянные части или особенно «хорошо» пачкающие принадлежности такелажа.

А ведь после жизни на маленьком корабле, на миноносце, так хочется выбраться на берег чистым! Впрочем, надо сознаться, Гельголанд в военное время едва ли заслуживает заманчивого для моряка после долгого похода, требующего особой щепетильности в одежде,—названия «берег». Кроме своих же, моряков, здесь почти никого и не встретить.

Немного дальше, в той же гавани, расположились подводные лодки. Пойти разве туда? Там я наверное встречу двух-трех приятелей, услышу рассказы о последних походах, *боевых* походах... Счастливцы! Сколько они уже пережили интересного за это время, сколько успели сделать... А мы, на миноносцах? Как непохоже на них сложилась наша «боевая» работа в течение долгого года войны!

Только немногие миноносцы имели счастье схватиться с врагом. А другим, большинству, предоставлено было... ждать, ждать и ждать. Но сколько же времени?

«Мы готовы к бою, но, видно, противнику все еще не хочется выйти в море»,—как часто приходилось слышать эти слова и в кают-компаниях, и в каютах, и жилых палубах.

И каждый раз, когда миноносцы отправлялись в поход, вспыхивала надежда, вспыхивала и гасла на обратном пути. Оставалось только мечтать—может быть следующий поход будет удачнее!

Вполне понятно, почему многие, и я в том числе, так стремились на подводные лодки.

Однако, до сих пор все мои попытки в этом направлении не увенчались успехом. С завистью смотрел я на подводные лодки, покидавшие гавань, уходившие далеко в море. Сколько раз видел я их возвращение при оглушительных криках «ура», доносившихся с больших кораблей... И надежда когда-нибудь самому испытать судьбу «под огнем» становилась слабее и слабее.

С такими мыслями я пробирался по молу, приближаясь к подлодкам. Издалека уже можно было различить фигуры «подводников» в их характерных костюмах. На берегу стояла группа офицеров, отличавшихся от команды только фуражкой с золотым галуном. Слышались взрывы веселого смеха, в воздухе таял синеватый дымок из неизменных трубок. На палубах лодок уютно расположились матросы около «примусов» в ожидании какого-нибудь замечательного произведения своего «маестро по кухонной части». На протянутых леерах «отданы для просушки» всевозможные принадлежности туалета: высокие сапоги, чулки, койки, вперемешку с разноцветными флагами. Одна из лодок пришла с моря совсем недавно. Все люки открыты, всюду проникают теплые лучи августовского солнца.

Трудно представить себе мое изумление, когда, отделившись от группы офицеров, ко мне подошел командир одной из подлодок, капитан-лейтенант В., со словами:

— Поздравляю, сердечно поздравляю — вы назначены к Ганзену на «U 41».

Что? Разве это может быть на самом деле? Разве мог я предположить что нибудь подобное? Наконец, откуда знает о моем назначении В...?

Разумеется, я расспросил его обо всем до мельчайших подробностей. Надежда загорелась с новою силой. Я сейчас же вернулся на свой «S 24» и привел в уныние старого соплавателя, прозванного в шутку «буревестником», сообщив ему о предполагаемом назначении. Мы прослужили вместе два года, успели сжиться, привыкнуть друг к другу и, вполне понятно, что новость, такая радостная для меня, ему не показалась «слишком» приятной.

На следующий день флотилия перешла в гавань W. При первой возможности, я бросился на берег, чтобы скорее узнать о своей судьбе. Прежде всего, я нашел вложенную в двери моей квартиры, коротенькую записку.

«Поздравляю с назначением на «U 41». Эрих». Это был один из моих приятелей, живших в той же квартире. Первый шаг принес радостное известие. Что-то будет дальше?

Урра! На моем письменном столе лежало письмо от капитан-лейтенанта Ганзена.

«Я слышал, что вы охотно пошли бы на подводную лодку. Если желаете, то можете быть назначены ко мне. Жду вашего ответа».

Ни разу в жизни я не спешил так к телефону!

На следующий день, едва я прилег отдохнуть немного после обеда, стукнула дверь.

Письмо от командира «U 41». Секунду спустя, я был уже на ногах.

«Все устроено. Остается только получить разрешение командующего вашей флотилией».

Все устроено!

На автомобиле помчался я прежде всего к своему командиру. Что-то он скажет? Застану ли его дома?? Как на зло, пошел сильный дождь.

«Быть или не быть?»—спрашивал я самого себя.... Пока—«быть!» Командир уже знал о моем заветном желании попасть на подводную лодку и теперь не чинил решительно никаких препятствий. Дело двигается! Еще один, последний шаг,—к командующему флотилией!

— Нет дома. Господин капитан вернется только к ужину

— А вы не знаете, куда поехал командующий?

— Нет.

Прекрасно! Итак, старое, знакомое: «ждать!» С половины пятого до половины восьмого. Целые три часа! А может быть и еще дольше? Однако мне везло в этот день. Уже через полтора часа я смог уведомить моего нового командира об окончательно состоявшемся назначении. Наконец-то!

До выхода приказа я остался на берегу, так как через два дня флотилия уже выходила в море, а мне необходимо было кое что приготовить для новой службы. Первый раз «S 24» вышел из гавани без меня. Несмотря на исполнившееся желание, грустно было расставаться с людьми, делившими со мной и радость, и горе непрерывно в течение

двух лет. Последние приветствия, последний взмах фуражек—прощай «S 24»!

Немного спустя я отправился к докам.

— Где стоит «U 41»?—спросил я встретившегося по дороге офицера.

— Что вам, собственно, надо на «U 41»? вместо ответа, осведомился он,—там нет никого из офицеров.

— Но я как раз назначен на лодку, я...

— Назначены? Ну это уж ваше счастье! Так, если вы непреклонно решили добраться туда, я, к сожалению, помочь вам не в состоянии, да и вас предупреждаю—вымажетесь с головы до пяток! Лодка в ремонте, многие части разобраны совершенно. Право, мне кажется, сейчас там для вас и смотреть нечего.

Но я действительно был непреклонен.

Лодка стояла в доке, пробираться к ней надо было с большой осторожностью.

Трах! Мой череп оказался «протараненным» какой-то совсем негостеприимной балкой! Поневоле сделавшись еще осторожнее, я все-таки добрался к лодке, снял кортик и положил его на рубку. А теперь... в новую жизнь! Медленно, одну за другой, спустил я обе ноги в открытый люк. Внизу послышались голоса. Я понял, что какой-то человек внизу решал вопрос о неизвестном и, видимо, не особенно симпатичном для него «продолжении» чьих-то беспомощно болтавшихся в люке длинных ног. Впрочем, он сейчас же постарался сделать приветливое лицо, как только я пролез внутрь «окончательно», пробормотал даже что-то вроде извинения и сунул мне свою «миниатюрную» ручку, размерами мало отличавшуюся от моей, не скажу, чтобы маленькой, ноги!

Раньше я часто бывал на подводных лодках. Поразительная чистота и порядок, каждая вещь так обдуманно прилажена на своем месте. А здесь? Я сразу погрузился в какой-то невообразимый хаос проводников, стальных пластин, всевозможных мелких частей, среди которых копошились работающие люди. Осторожно (я еще не забыл

встречи с балкой) я попытался сделать несколько шагов... О, Господи! Угораздило же меня родиться с такими длинными ногами: проклятая электрическая лампочка! Ей следовало бы лучше выполнять свое прямое назначение, чем, пользуясь темнотой, заставить меня сразу остановиться и потрогать ушибленную голову! Скорее назад! Стальная планка ударила меня по ноге, невольно я сделал легкое антраша, попал другой ногой в змеей притаившийся провод, раздался легкий треск и непроницаемая тьма окутала внутренность лодки; в один момент, совершенно против желания, я «выключил» все освещение! Работы, конечно, временно прекратились, донеслось несколько «любезных» слов по адресу неловкого гостя... Надо выбираться наружу. После целого ряда акробатических упражнений мне удалось наконец найти спасительный люк и вылезти на свет Божий.

Увы, новый сюрприз ожидал меня наверху: там и здесь, по всей почти моей, с иголочки новенькой тужурке расползлись ярко красные, маслянистые пятна...После долгих усилий я разыскал человека с куском ветоши, смоченной в терпентине. Только полчаса спустя мой бедный костюм был приведен в некоторый порядок и я смог наконец вернуться домой, не возбуждая справедливого удивления прохожих.

Работы оставалось еще недели на три. С утра и до вечера, целые дни я проводил в доке и порой казалось мне, что не будет конца ни этим работам, ни тысячи приказаний, распоряжений, постановлений и узаконений, с которыми мне приходилось знакомиться.

Вечера я проводил, конечно, в компании «пиратов», внимательно, с интересом слушая рассказы из их жизни.

Прошло четырнадцать дней и наконец «U 41» вывели из дока. Понемногу все начало приводиться в порядок. Горы отдельных частей превращаются в компактные двигатели, тают груды всевозможных принадлежностей, устанавливаемых внутри лодки. Наконец появляются и предметы домашнего обихода, теплое белье, койки, матрасы, за ними подвозят к нам сигнальные флаги, инструменты, карты и... кухонные принадлежности. У меня невольно мелькает мысль: «как-то

разместится все это в маленькой лодке?» Я не могу удержаться от вопроса и оказывается, что предстоит принять еще самое главное: запасы по машинной части, снаряды и провиант. Через несколько дней, в недрах точно бездонной лодки исчезают огромные количества машинного масла и пресной воды, за ними следуют снаряды и мины. Кажется все теперь,—нет, около лодки, словно по волшебству, снова выростают горы ящиков, ящичков и всевозможных коробок. Это консервы. На лице кока написано полное удовлетворение—его часть будет спабжена не хуже других! Но вот и консервы поглотила подлодка. Погрузке конец. По словам корабельного инженера, мы имели все необходимое на восемь недель вполне самостоятельного существования.

На следующее утро, идя на лодку, я уже издали услыхал шум моторов. Слава Богу, дело двигается успешно! Три недели, несмотря на усиленную работу, казались мне такими длинными, почти бесконечными!

В один из ближайших дней, приведенная в полную готовность лодка отошла от доков, чтобы занять в гавани свое место. Внимательно следил я за управлением незнакомого мне судна. Совсем не то, что на миноносце, где приходится иной раз с полного хода сразу стопорить машины, менять хода быстро и резко. Этого нельзя требовать от подводной лодки, машины которой раз в десять слабее машины миноносца даже одинакового с нею тоннажа.

Подводная лодка должна иметь возможность долго держаться в море, пройти большое расстояние, не гонясь за чрезмерною скоростью. А что наши лодки способны к большим переходам—стоит только вспомнить о плаваньях в Средиземное море или к берегам Америки.

Немного спустя мы стали на бочку для уничтожения девиации. Метрах в двадцати от нас прошел большой крейсер. Какой маленькой показалась, в сравнении с ним, наша лодка, а между тем один удачный выстрел миной—и могучий колосс станет жертвой крошечного «пирата»!

Еще несколько испытаний, последние пробы. Все в полной исправности.

Наконец получено давно жданное приказание: — «2 часа 30 минут выйти в море».

Обед закончился пожеланиями здоровья, успеха и благополучной встречи через пять—шесть недель. Распростившись с товарищами, мы поспешили вернуться на лодку. При нашем приближении с борта миноносца, около которого ошвартовилась «U 41», посыпались в лодку наши матросы, воспользовавшиеся коротким послеобеденным временем, чтобы навестить своих товарищей, «чернорабочих», и рассказать им кое-что из «подводных» переживаний.

Ровно в два часа тридцать минут мы подошли к шлюзу. Так как разница уровней была еще очень значительна, командир сопровождавшего нас посыльного судна, воспользовавшись свободной минуткой, живо соорудил у себя в каюте кофе с пирожками.

Разумеется, мы не заставили просить нас слишком долго и отлично провели время в уютной каюте старенького миноносца.

— Шлюз открывается,—донеслось сверху и все бросились по своим местам.

— Послушайте, друг мой, я чуть было не забыл снабдить вас «Справочником». Предлагаю поаккуратнее вычеркивать из него каждый корабль, который вам удастся «застукать». Ловите!

В. размахнулся и маленькая книжка, брошенная меткой рукой, очутилась у нас на палубе.

Еще несколько прощальных слов, и миноносец скрылся из виду, обрушив, вероятно на память, целые груды угля, вылетевшие вдруг из сильно задымившей трубы, — прямо нам на голову.

Короткая остановка. Опять дали ход. Как обрадовался я, когда, наконец, лодка вышла из шлюзов.

— Какая лодка? — спросил заведывающий шлюзами.

— «U 41».

— Счастливого пути!

Медленно двигаемся мы по течению; впервые для меня, смыкаются сзади лодки, подводной лодки, голубые волны Яде. По обе стороны тянутся ровные, зеленые берега, с левого борта Вильгельмсгафен весь точно окутался тучами дыма.

Там и здесь виднеются мачты стоящих в гавани судов, дальше высятся гигантские пловучие краны,—отличительный признак Вильгемсгафена.

— Штурман, дайте мне пожалуйста карту,—послышался из рубки голос командира.

Ну и карта!

Какой-то, раз десять сложенный листочек появился вдруг из укромного уголка между переговорной трубой и стенкой рубки. Однако, он оказался сложен так, что в любой момент, нужная часть пути была перед глазами. На первый взгляд—сплошное коричневое пятно и только, вглядевшись пристальнее, различаешь целый ряд знакомых условных обозначений.

Невольно вспомнился мне мой миноносец, штурманская рубка и прекрасный, полированный стол для прокладки. Точно аргус берег свои карты штурман, заботился о них как о любимом ребенке. Беда, если кто-нибудь облокотится в разговоре о стол, если чей-нибудь рукав походной тужурки коснется карты. «Что вас интересует, господин N?—сейчас же раздавался ядовитый вопрос,—я могу указать вам!»

— У меня столом для прокладки служат собственные колени,—улыбнулся штурман, когда я поделился с ним своими воспоминаниями.

Впрочем, мне еще много раз пришлось впоследствии вспомнить о большом корабле, особенно, когда в нашей рубке разворачивалась какая-нибудь крупная карта!

— Обе машины средний вперед!

— На штурвале! Вы видите впереди, справа по носу, недалеко от линейного корабля, черную бочку? Она останется справа.

Поход начался. На верхней палубе шла приборка. Убирались вниз буксиры, разные концы и швартовы, кое-что найтовили накрепко к палубе. Поставили мачту и беспроволочный

телеграф передал по назначению позывные—нашу «визитную карточку». Понемногу, один за другим, мы собрались на рубке. Хотелось еще раз взглянуть на Вильгельмсгафен, подышать свежим воздухом и выкурить запретную внизу папиросу.

Медленно режем мы поверхность реки, проходим мимо одного из наших больших кораблей.

— Сигнальщик! кричит один из машинистов, тоже выбравшийся наверх,—не зевай, семафор с корабля Его Величества!

«Штурман желает командиру здоровья, успеха, богатой добычи и счастливого возвращения!»

— Передайте ответ: «сердечно благодарю».

Семафор слева, с легкого крейсера.

«Старший лейтенант N—старшему лейтенанту К. Завидую, желаю всего хорошего!»

Семафор справа, опять с левого борта, еще,—теперь уже со всех сторон! Оба сигнальщика не в состоянии передавать ответы, вахтенный офицер хватает флажки и бежит к ним на помощь.

Какое удивительное отношение к нам, как каждому встречному кораблю хочется оказать внимание маленькой лодке, бросить ей несколько дружеских слов и сердечных пожеланий! Но вот и все суда остаются позади. Мало по малу пустеет верхняя палуба, только вахтенные остаются на рубке. Смотреть больше нечего, можно немного соснуть, время как раз подходящее, впрочем, настоящий «подводник» обладает способностью спать (но зато—не забывайте—и бодрствовать!) в любое время дня и ночи.

Впереди показалась флотилия миноносцев, окутанная черною тучею дыма. Несколько мгновений и она уже близко, проносится мимо полным ходом, так же быстро, как и появилась. Низко осела корма миноносцев, бесшумно врезается острый фор-штевень в спокойную воду.

Коротенький семафор и мы расходимся.

Перед нами открытое море. Буи, бакана, бочки, пловучий маяк и прочие приметные знаки остаются далеко позади. Курс проложен на Гельголанд. Погода прекрасная, кроме прокладки нечего делать.

— Господин капитан-лейтенант, чай готов, — слышится голос Герцига, высунувшегося до пояса из люка рубки. Прямая его обязанность — телеграф, но сейчас он бездействует, и Герциг исполняет обязанности совсем другого рода. Надо сказать, что он заведует офицерской кают-компанией, служит вестовым у двух офицеров, состоит в числе «прислуги» одного из орудий, помогает коку в его крошечном камбузе и стоит на концах, на палубе, когда лодку берут на буксир или надо швартовиться!

Словом, у него всегда и во всякое время целый ворох работы. Управился в кают-компании—беги на помощь уже нервничающему коку. Только покончил с камбузом, оказывается помощь требуется уже кому-нибудь из офицеров, который «никак не может разыскать свою записную книжку», благо она мирно покоится у владельца в кармане! Уф, кажется все—можно вздохнуть немного. Не тут-то было:

— Переодеться в дождевое платье и ожидать в центральном посту!

— Но... я... мне нужно готовить завтрак! пробует иной раз протестовать Герциг.

— Вы слышали приказание?

— Так точно...

— Следовательно!...

Мокрый, похожий на выкупавшегося пуделя, спускается он вниз.

— Что же, опять не готов завтрак! Ведь это свинство, в самом деле!

— Да... но...

— Меня совсем не интересуют ваши «но»! Завтрак должен быть подан во-время.

Это только маленькая, далеко не обнимающая всего, картинка из жизни старшего радио-телеграфного унтер-офицера Герцига, никогда не терявшего, несмотря на массу самых разнородных обязанностей,—отличного расположения духа и способного в любой момент поставить рекорд по приему и отправлению «радио».

— Дайте мне знать, когда откроется Гельголанд,—сказал командир и исчез в рубке.

Равномерно, «чисто» работают моторы. Открываются очертания Гельголанда. На вест от нас, высоко в небе точно замерли два цеппелина.

Да, вот если бы англичане могли в этом смысле соперничать с нами! Ведь несмотря ни на что «глаза нашего флота» неизменно несут свою службу, а между тем ни один немец не видел еще хотя бы одного английского «Ц», да что немец—и никто из англичан, конечно!

При входе в гавань над лодкой пронесся аэроплан. «Глаза порта» сказали бы англичане.

С рассвета поднимаются они с поверхности воды, чтобы обыскать каждый кусочек моря.

Трудно приходится тем, кто хочет незамеченным пробраться в наши воды.

Мы идем мимо флотилии миноносцев, неподвижно стоящих борт-о-борт. Ни облачка не вырывается из дымовых труб, а между тем они совсем готовы к «прыжку». Пройдет каких-нибудь десять минут после сигнала—и нет ни одного миноносца в гавани, они уже там, в открытом море, скрываются на горизонте.

Следующие дни прошли в последних приготовлениях к походу. По вечерам мы собирались на нашей «матке», старом корабле времени зарождения германского флота. Кажется, все удобства были предусмотрены здесь точно нарочно, чтобы мы не засиживались дольше чем нужно в своих «стальных сигарах»! Прекрасная кают-компания, отдельные каюты, наконец ванны, что так ценно для подводника с его особенной службой. За «полным» столом мы обменивались последними новостями, спорили до хрипоты в горле о политике, при чем, конечно, каждому из нас казалось, что только он и никто другой способен решать мировые вопросы. Наши товарищи с миноносцев и летчики частенько «подгребали» к вечернему чаю, начинал «работать» граммофон с какой-нибудь из подлодок, до тех пор, пока в дверях не появлялась фигура в белом одеянии, заявлявшая безапелляционно, что «каждый человек

имеет право ночью спать спокойно»! Обыкновенно это случалось, как на зло, в тот самый момент, когда так много еще оставалось рассказать интересного!

Каждый день, за завтраком, мы задавали друг другу один и тот же, неизменный вопрос:

— Не получено еще предписание о выходе в море?

Наконец, однажды утром, вестовой постучался ко мне в каюту и радостно доложил:

— Господин старший лейтенант, сегодня в четыре часа пополудни приказано выйти в море!

Дождались!

Когда я пришел на лодку, один из унтер-офицеров спросил, как обстоит дело с жалованием.

Ах, чорт возьми! Ведь по настоящему, еще вчера я должен был выдать деньги. Хорошо, если их успели переслать сюда из Вильгельмсгафена. На всякий случай, я побежал с одним из матросов на почту, запасшись предварительно удостоверением личности—я ведь ничем почти, исключая фуражки, не отличался по наружному виду от моего спутника.

Нам удалось получить деньги, успеть во-время вернуться на судно и раздать жалованье. Все это пришлось проделать с быстротой необыкновенной, так как времени до ухода оставалось немного, а некоторые почтенные «отцы семейства» должны были еще успеть послать домой кое-какую «монету»!

Неожиданно в гавань вошла «моя» флотилия миноносцев. Я ухитрился повидать кое-кого из старых соплавателей, зато, едва только возвратился на лодку, раздались команды:

— Со швартовов сниматься!

— Право руля!

— Отдать концы!

— Правая машина—малый назад!

С соседней небольшой лодки троекратно прокричали «ура» и мы медленно вышли из гавани, минуя мою «родную» флотилию. На флагманском миноносце взвился сигнал: «счастливого пути и радостного возвращения!»

Мы не остаемся в долгу и тотчас же поднимаем «ясно вижу» на.... временно освобожденной от прямых своих обя-

занностей палке от половой щетки! Последним пожал мне руку старый приятель и соплаватель—«буревестник», правда не в буквальном смысле, а.... по радиотелеграфу....

Мы уже выходили из за мола, как вдруг налетел сильный шквал с дождем, и так неожиданно, что мы конечно не успели спастись под защиту дождевиков. Что же делать! Чтобы немного смягчить неприятную «шутку» погоды, командир вытащил из кармана тужурки три яблока и братски разделил их между мною и старшим лейтенантом Шнейдером, нашим вторым офицером. Мы «закусили» за благополучный поход!

Проделав несколько эволюций, мы легли на северный курс. Начинался настоящий морской поход! В широте Амрума скрылся из вида Гельголанд. Когда-то мы его увидим снова?

После ужина я вступил на вахту. Как радостно почувствовал я себя, первый раз в жизни стоя на вахте на рубке подводной лодки, зная, что с каждым часом, каждой минутой, противник становится ближе и ближе. Теперь уже не приходится, как бывало раньше, «ждать» и ждать, когда противник соблаговолит—выйти в море, не нужно надеяться только на одну счастливую случайность! Мы встретимся во что бы то ни стало!

Я так размечтался, что совершенно не замечал времени. 12 часов, а мне все еще не хочется уйти с верхней палубы, и только в 2 часа ночи, когда наверх поднялся командир, я спустился в каюту и лег. Мы проходили пловучий маяк....

Прямо надо мной висела койка старшего лейтенанта Шнейдер.

На правом борту спал механик. Нужно было обладать особенной ловкостью, чтобы добраться невредимым до его «ложа» — слишком уже близко от него поместилась лоснившаяся, обильно смазанная мина!

В носовом помещении «подвесился», тоже в трогательной близости к двум минам, наш «мальчик», лейтенант Брюммер, самый младший из офицеров. Он выбрал себе на редкость уютное местечко: справа, сантиметров на 10 от койки и в

таком же примерно расстоянии слева—по мине! Достаточно было незначительной качки—и Брюммер мог уже убедиться на самом себе, что его «крепкие» соседи все еще здесь, рядом с ним. Кроме того и забраться к нему в койку — тоже не было слишком то просто.

Первая попытка, когда Брюммер рискнул залезть в койку «совершенно самостоятельно», попробовав проскользнуть между миной и койкой—окончилась довольно грустно: сам он выпачкался в масле об одну мину и вымазал всю койку о другую.

Сообща мы выработали способ «укладывания» мальчика, достаточно безопасный и для него, и для койки. Мы отдавали кормовой шкентрос, стравливали койку на такую высоту, что Брюммер мог свободно в нее забраться, а затем, по команде выбирали конец, улучив на качке удобный момент, и койка вместе со своим «содержимым» оказывалась на месте! Зато уж «мальчик» должен был болтаться между своими милыми соседями то тех пор, пока не проделывалась та же церемония только в обратном порядке.

К утру на рассвете погода испортилась.

Я проснулся от ударов волн о рули глубины и вышел наверх. Шел дождь, холодные брызги долетали до рубки.

Едва я успел сойти вниз за дождевым платьем, как по лодке пронеслось «погружение!»

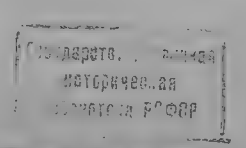
Я никогда не мог предполагать, что из состояния глубокого покоя, который до этого момента царил внутри лодки, так быстро, буквально в какие-нибудь четверть минуты, люди способны перейти к кипучей деятельности. В один момент опустели койки, все разбежались на свои места по тревоге, и почти тотчас же раздались из всех отделений лодки доклады о полной готовности. Газовые двигатели застопорены, послышалось жужжанье электрических моторов.

Настала мертвая тишина, нарушаемая только работой машин, и в этой тишине каждый, напряженно, внимательно ждал следующей команды.

— Глубина 20 метров!

— Заполнять цистерны!

Лодка садится носом и медленно уходит под воду.

Последний воздух из цистерн с шипеньем вылетает наружу, в лодке опять тихо, только из рубки доносятся спокойные звуки голосов командира и штурмана.

— На румбе?

— Так точно, господин капитан-лейтенант!

— Курс 267°,—передает штурман рулевому.

— Ну как? Выясняется что нибудь определенное?

— Пока нет еще, но как-будто, сколько можно судить издали и сквозь сетку дождя, «он» похож на истребителя. Идет прямо на нас!

— Глубина.... метров!

Команда повторяется внизу у рулей глубины, перископ выходит из воды. По переговорным трубам передаются команды во все уголки нашей лодки. Напряжение растет с каждой минутой.

— Немного уменьшить глубину!

Волны перекатываются через перископ, слепят лодку.

Кажется — «это» простой грузовик! Тихо работают моторы. Поднимаем второй перископ.

Командир и штурман следят за «незнакомцем». Проходит несколько минут, и в голосах их вдруг слышатся шутливые нотки.

— Сколько пушек вы насчитали на «нем», штурман!

— К сожалению.... ни одной, господин капитан-лейтенант. Повидимому, это датчанин, судя по цветам....

— Совершенно верно....на этот раз! Да вот и флаг поднят на гафеле. Через полчаса можно всплывать.

— Глубина 20 метров! Ложиться на прежний курс!

Досадно! Тревога оказалась напрасной; ну, да еще впереди наверное встретим что-нибудь получше!

Когда мы снова поднялись на поверхность, погода стала еще хуже, волны так и хлестали через лодку, без дождевого платья оставаться на рубке было немыслимо.

Внизу, в кают-компании, Герциг приготовил завтрак. На маленьком складном столике, в отделениях крепко приделанной к нему деревянной решетки разместились всевозможные закуски.

В одном—подпрыгивала круглая коробочка с «пумперникелем», рядом ползал по тарелке судочек с консервами в соседстве с ломтиками хлеба и прочими необходимыми принадлежностями завтрака. И только мина, ухитрившаяся таки подвеситься над самым столом, мешала вполне спокойно отдать дань вкусным изделиям кока: с отвратительным равнодушием, она время от времени приправляла нашу еду крупною жирной каплей масла, стекавшего по ее лоснившемуся телу. Вытирать было бесполезно, заботливый «папаша», минер, слишком хорошо предохранил нежную «кожу» своего детища, не жалея смазки.

— Что вы делали наверху? Я давно поджидаю вас. Разве Герциг не докладывал о завтраке?

Кают-компаньон поместился около стола на шатком складном стуле и, с чайником в одной руке и молочником в другой, делал невероятные усилия, чтобы удержать равновесие.

Я уже собрался принести извинения, но в этот момент появился вестовой и заботливо осведомился:

— Господин старший лейтенант! Яйца в смятку или «глазунью»? Господин механик всегда требуют «глазунью».— Это, в сущности говоря, значило, что и мне следовало не уклоняться от яичницы. Отлично!

— Глазунью!

Вестовой, лавируя между нами и столом, отправился в камбуз, командуя на ходу: «две яичницы!»

— Ну-ка, чем сегодня кормят? С этими словами в кают-компанию вошел командир.

Послышалось сопенье, несколько тяжких вздохов и с верхней койки пожаловал к завтраку Юлиус Шнейдер. Немного не расчитав, он вместо стула, сел прямо в тарелку с хлебом, но, по правде сказать, не выказал при этом никакого смущения, хладнокровно переменив место. Растрепанный, в фуфайке из верблюжьей шерсти, он молча, но энергично принялся за еду и через несколько минут снова «вознесся» в койку; легкий храп возвестил, что Шнейдер заснул! Впрочем, «спи пока можно»—был его девизом и он следовал ему неукоснительно.

*

Часов около двенадцати вахтенный начальник заметил дымок. Мы все еще шли над водой, желая сохранить скорость.

— К погружению!

Показался норвежский пароход, идущий, судя по его курсу, из Англии. Лодка снова поднялась на поверхность. Взвился сигнал: «остановиться!» Из трубы парохода вырвалось белое облачко, он травил пар—лучший признак того, что сигнал наш разобран.

— Прислать бумаги!

Одно из наших орудий приготовили к действию и «U 41» начала малым ходом описывать круги около парохода. Норвежец быстро спустил шлюпку, с трудом подошедшую к нам едва выгребая против волны. На руле был старший офицер.

— К сожалению,—никакой контрабанды!—сказал командир, внимательно прочитав представленные документы вместе с нашим старшим матросом Моллем, служившим до войны вторым помощником на пароходе Г. А. линии и хорошо знакомым со всеми законами о контрабандных грузах.—Придется отпустить и этот пароход с миром!

Точно в знак признательности за свое освобождение, норвежец отсалютовал флагом и дал ход, ложась на старый курс.

Немного спустя мы заметили еще один пароход, но он, видимо, успел во время разглядеть «пирата», повернул и, развив полный ход, скрылся на горизонте. Пожалуй, он был по своему прав, не особенно желая встречаться с нами!

Тем временем погода становилась все хуже и хуже, удержаться на ногах делалось все труднее, а между тем необходимо было придти в район наших действий к назначенному сроку.

На следующий день засвежело так, что вахтенным, несмотря ни на какие дождевики и прочие непромокаемые костюмы, пришлось спуститься в рубку. Огромные волны перекатывались через лодку, приходилось захлопывать люк и ждать удобной минуты, чтобы снова высунуться наружу.

Ночью мы встретили океанский пароход, повидимому, опять норвежский, американской линии.

Издали это было сплошное светлое пятно, ярко выделявшееся в темноте ночи, и только когда он подошел ближе, можно было при помощи нескольких, не пострадавших еще от воды биноклей, установить его национальность.

Шел он, несомненно, из Кирквэлля, гавани, куда англичане, «заботясь об интересах маленьких стран», отводят для «осмотра» все норвежские, шведские и датские пароходы, возвращающиеся из Америки.

К утру показались далекие, чуть заметные очертания берега. Земля! Несмотря на отвратительную погоду, несмотря на качку, когда мы рисковали обратиться в бифштекс, несмотря на все неприятности трех-дневного перехода на маленьком корабле, тесноту, духоту и т. п.,—мы все-таки пришли туда, куда нам было нужно.

В полдень мы изменили курс, вступили на линию блокады. Яснее обрисовывался крутой берег пустынного на вид острова. Зыбь стала меньше и снова на рубке закипела жизнь. Следы последнего дня, когда волны с особенной силой обрушивались на лодку, виднелись почти по всей палубе. Кое-где отстали листы обшивки, пришлось вооружиться молотками и водворить их на место, не обращая внимания на холодный душ—последние усилия стихавшей волны.

— Дымок, прямо по курсу!

А вот и еще один... два... наконец—пять!

— По местам—к погружению! Прислуге орудий переодеться в дождевое!

В темном облачке дыма можно разобрать уже мачты. Курс прямо на нас. Мы решили сначала держаться на поверхности, предполагая, что лодка мало заметна на фоне скалистого берега, тем более, что пять неизвестных судов могли быть простыми «рыбаками». А может быть это разведочные суда? Рыбакам, конечно, нет дела до нас, но зато разведчикам... Впрочем «нырнуть» мы еще успеем.

Тем временем неожиданно из за берега показался шестой! Идет тоже прямо на нас, на мачте развеваются какие-то два флага. Подозрительно! Надо погружаться, совсем нехорошо, если этот, шестой, успел-таки нас заприметить.

Под водой мы резко изменили курс и дали полный ход, чтобы уйти от неприятной шестерки.

Почти час спустя мы поставили перископ: командир хотел убедиться «чист ли воздух».

Чорт возьми! Пять судов неизменно следовали за нами и совсем на небольшом расстоянии! Одно из них подняло огромный флаг, по обе стороны от него шли остальные, а несколько дальше дымил наш шестой приятель. Ясно, что они заметили нас и, видимо, готовы «конвоировать», держа нам в кильватер. Веселенький конвой!

Чтобы сбить их с толку, мы меняем курсы самым неожиданным образом, бросаемся из стороны в сторону, описываем петли, круги... Все напрасно: как свора хороших гончих—они попрежнему у нас «за спиной». Нас выдал, вероятно, масляный след на поверхности воды. Оставалось только погрузиться снова, надеясь на сгущавшиеся сумерки.

Приближалась самая северная оконечность группы островов. Надо торопиться, чтобы ночью пройти эти места. Настала темная, непроглядная ночь. Улучив удобный момент, мы быстро легли на новый курс и проскользнули незамеченными благодаря снова засвежевшему ветру и крупной волне Атлантического океана между двумя преследователями!

Сегодня воскресенье. Следует немного привести свою особу в порядок, побриться, почиститься хорошенько. Стоя перед крошечным умывальником, я намылил себе физиономию и собрался уже приступить к дальнейшему, но как раз в этот момент послышался такой громкий смех командира, спустившегося в кают-компанию, что даже милейший Юлиус Шнейдер—и тот проснулся!

— Пожалуй вы еще крахмальную рубашку оденете?—продолжал заливаться командир,—было бы очень кстати, «блюститель вы чистоты и порядка» эдакий!

Ну и не надо!—подумал я, вытер лицо и как был, небритый, уселся завтракать.

За обедом нас ждал необыкновенный сюрприз: настоящее жаркое под сладким соусом! Оказывается, предусмотрительный кок захватил его еще перед нашим уходом и каким-то неведомым способом ухитрился сохранить в укромном уголке носового отсека между минами. Правда, перед обедом я видел таинственные приготовления, заглянул даже в судочек, который кок, с видом заговорщика, тащил в свое святилище, но кроме масла ничего не заметил. И только когда из камбуза понесся замечательный аромат поджаривающегося мяса, я начал подозревать, что дело обойдется сегодня без всякого участия консервов. Вообще день выдался чрезвычайно спокойный и наш «коротенький», послеобеденный сон ничем не был нарушен.

Оба следующие дня прошли так же спокойно. Погода стала значительно лучше, море стихало, явилась возможность заняться нашими пушками, успевшими за это время познакомиться со ржавчиной. Давно уже я так не смеялся как в этот день. Еще бы: прошло несколько минут после приказания чистить орудия, и вдруг из люка рубки показалась фигура с тряпками и коробочкой вазелина, одетая в *смокинг*! Я так и замер на месте, а оригинальный «воин», в высоких сапогах и кожаных брюках, невозмутимо засучив рукава своего не очень ловко сидевшего смокинга, нахлобучил покрепче кепку, совсем уж не флотского образца и, стоя по колени в воде, принялся за работу! Удивительная мысль использовать часть своего костюма по прежней службе в качестве официанта на каком нибудь пароходе—в роли рабочего платья. Зато теперь мы все твердо знали, чем занимался наш подводник в мирное время, не заглядывая в его формуляр!

В один из следующих дней, за чаем, командир объявил, что теперь уже он, в свою очередь, решил побриться.

— По моему, завтра мы непременно попадем в «дело»— сказал он, смеясь,—надо же принять благообразный вид для встречи господ капитанов!

Но не успел он приступить к своему намерению, как послышался доклад сверху:

— Дым с правого борта. Изменил курс, держу на него.

— Увы!—вздохнул командир,—ничего не поделаешь, надо было подумать раньше,—и с этими словами он исчез в рубке.

— К погружению—по местам! Обе машины полный вперед!

Рули глубины врезаются в воду, лодка послушно погружается, скоро станет совсем темно и тогда жирный кусочек, низко сидящий, большой грузовик ускользнет от нас в темноте.

На перископе поднят сигнал «остановиться», но пароход продолжает идти тем же курсом. Не видит он нас или... не хочет видеть? К сожалению из за свежей погоды немыслимо послать людей к орудиям.

— Только бы подойти к нему ближе, а тогда ему уже не удастся скрыться,—говорит командир, возвышая голос почти до крика, заглушаемого свистом ветра и шумом волн. Я стою сзади него и напрягаю все усилия, чтобы сохранить сухим мой бинокль, кажется единственный оставшийся неподмоченным. Я ловлю момент и впиваюсь «вооруженным» взглядом в пароход, потом заметив предательскую волну, быстро прячу драгоценный бинокль под дождевик.

Что это? Сзади парохода как будто мелькнули три слишком характерных, коротких трубы...

— Истребитель за пароходом!

И в этот момент уже звучит команда:

— Погружение! Неприятельский истребитель!

Я прыгаю в рубку последним и успеваю еще заметить «англичанина», идущего полным ходом прямо на нас. Спасибо волне: он так же как и мы не может использовать на качке свои орудия.

«U 41» быстро идет на глубину. Успеет ли он поймать нас, осталось каких-нибудь несколько минут... Спокойно ползет стрелка указателя глубины. 7, 8, 9, 10, 11, 12 метров. Кажется пронесло!

— На 20 метров! слышится приказание...

Отбой! У всех нас повышенное настроение, опять удача, еще раз нам улыбнулось счастье. Мы верим в нашего ко

мандира, верим в нашу «U 41», верим в самих себя. Да и действительно, от малейшей ошибки одного из нас, на секунду переставшего владеть собой, своими нервами,—гибель грозит всей лодке!

Неунывающий Герциг порылся в «винном погребе» и торжественно поставил на столик в кают-компании бутылку шампанского. Зазвенели бокалы, раздались звуки граммофона «Deutschland, Deutschland über alles!»

А наверху нас ищет, подбрасываемый волнами английский истребитель. Нет, брат,—«пираты» оказались проворнее, чем ты думал!

На следующую ночь по вахте мне передали приказание: «Если погода станет к утру лучше, можно ожидать новой встречи. Вечерний случай указывает на то, что мы очень близки к месту «охоты».

Сменившись, я не раздеваясь лег в койку, невольно перебирая в памяти все случившееся за истекшие сутки.

Разгар работы.

Следующий день принес нам много работы.

Уже при первых лучах рассвета два дымка показались на горизонте. К сожалению, оба успели скрыться, прежде чем нам удалось познакомиться с ними поближе. Часов около девяти вдали обрисовались очертания парохода, идущего приблизительно одним с нами курсом. Скоро можно уже было различить поставленные виндзейли, мостик, рубки, надстройки. В погруженном состоянии нам удалось подойти незамеченными. Недурно! Вся почти палуба парохода была занята тесными стойлами, из которых выглядывали лошадиные морды. Вот уж не повезло несчастным животным!

Итак, мы имеем дело с английским транспортом, приспособленным для перевозки лошадей, шедшим по всей вероятности из Канады, надеясь доставить свой живой груз на театр войны.

Мы дали ему пройти мимо, поднялись на поверхность и, сделав выстрел, показали сигнал: «Немедленно оставить корабль!»

Сигнал был понят очень скоро, с обоих бортов начали спускать шлюпки. На палубе поднялась суматоха, каждый старался, уходя с парохода, захватить с собой как можно больше. Последним спустился по концу капитан. Покинутый, никем не управляемый пароход тяжело покачивался на зыби. Мы вышли к нему на траверз, и два снаряда пронизали корпус ниже ватер-линии. Сквозь пробоины вода хлынула внутрь, но, видимо, какой-то груз в трюмах, зерно быть может, мешал воде распространиться по пароходу—он слишком медленно погружался.

Жалея перепуганных животных, командир решил ускорить конец, приказав выстрелить миной. Оглушительный взрыв потряс воздух, гигантский столб воды поднялся у борта и когда успокоилось все—пароход исчез! «Anglo Columbian», 4792 т. водоизмещения, с грузом в 800 лошадей, оказался вычеркнутым из списков. Его экипаж, весь разместившийся в шлюпках, направился к берегу...

Около полудня—новое дело. Опять «англичанин», идущий, судя по его курсу, в родные воды.

Это был «Chancellor», 4586 тонн, с грузом артиллерийских припасов. Он тоже не заметил нас и, конечно, был порядочно удивлен, получив неожиданное приказание—«остановиться!» Через полчаса его нос высоко поднялся над водой и он затонул. Повидимому, гибель парохода не произвела особенно удручающего впечатления на его команду, точно ей предстояла самая обыкновенная гребная гонка.

9000 тонн для одного утра как будто достаточно! Наконец-то мы могли «расшириться» в кают-компании, так как столько раз отравлявшая нам приятные минуты завтраков и обедов, висевшая над столом мина, отправилась в аппарат на смену своей приятельнице, потопившей «Anglo Columbian». Кому-то она предназначается?

После полдня несколько раз появлялись дымки, но приблизиться ни к одному из них нам не удалось. Только к ве-

черу поймали мы еще одного «англичанина». Когда мы проходили мимо него, я не мог удержаться от улыбки при виде серьезных, напряженных лиц сигнальщиков и «повсюду смотрящих», внимательно наблюдавших за поверхностью моря. Пароход назывался «Hesione», 3663 тонны, груз — моторы и автомобили. Он был уже недалеко от гавани: несколько новеньких, блестящих автомобилей стояло на верхней палубе, совершенно готовые к выгрузке. Так или иначе, а «выгрузиться» им, конечно, удастся, хотя, правда, может быть не совсем приятным для них манером!

«Hesione» зарылся носом и, когда гребные винты показались над водой, автомобили, толкая друг друга, покатились по палубе, и скрываясь в мало подходящей для них стихии!

Капитан этого парохода пришел в очень скверное расположение духа, прибыв к нам на лодку. Пришлось поневоле удовлетвориться только тем, что он записал в «ведомость» имя своего корабля, потому что мы, при всем желании, не смогли понять ни слова из того, что он бормотал на каком-то положительно фантастическом наречии!

К ночи опять засвежело. Утром начали собираться тяжелые тучи, заволакивавшие небо. Во время завтрака по верхней палубе застучал град. Неприятно! Однако, ветер разогнал тучи, немного прояснило, и мы увидели четвертый по счету пароход. Он оказался замечательно предупредительным, ответив на наше обычное приказание—сигналом: «мои машины работают—задним ходом», и сразу принявшись спускать все шлюпки. Послав ему пару снарядов, после того, как вся команда разместилась по шлюпкам, мы должны были уходить: новый дымок появился на горизонте. Немного спустя, наш «№ 4» получил сильный крен и пошел ко дну. Это был «Urbino», 6651 т., с грузом артиллерии для англичан.

Гибель.

Около половины двенадцатого мы погрузились и полным ходом направились к приближавшемуся пароходу. Как и раньше, пароход прошел совсем близко от лодки.

Командир вызвал меня в рубку.

— Посмотрите, пожалуйста,—сказал он,—почему-то мне этот господин кажется подозрительным!

Однако, сколько я ни напрягал зрения, внимательно следя за пароходом,—ничего особенного заметить не удалось и я спокойно доложил об этом командиру. К тому же, на гафеле слишком резко бросался в глаза характерный флаг Соединенных Штатов...

Мы поднялись на поверхность. Прозвучал выстрел одного из наших орудий, взвился обычный сигнал: «остановиться»!

Пароход ответил «ясно вижу» по международному своду, застопорил машину и, развернувшись, тихо пошел по направлению к лодке. Расстояние между нами становилось все меньше и меньше... Новый сигнал: «прислать на лодку документы!» На этот раз ответный вымпел поднялся до-половины и остановился. «Американец» давал знать, что видит сигнал, но разобрать его еще «не может»... Однако, несколько человек команды, я видел, побежали к талям и скоро одна из шлюпок была уже «вывалена» за борт.

Расстояние уменьшилось до каких-нибудь 300 метров. Пароход находился у нас почти на траверзе. На рубке собрались командир, лейтенант Шнейдер, механик, штурман и я...

И вдруг... пароход открыл огонь! Сначала из ружей... Люди выстроились вдоль борта и стреляли, как бешеные. Пули застучали по верхней палубе. Потом заговорили орудия, показавшиеся из плотно закрытых до этого портов в борту парохода. При первых выстрелах все бросились внутрь лодки, только трое матросов, прислуга наших орудий, не тронулись с места, несмотря на все наши крики. Лейтенант Шнейдер снова выскочил наверх и чуть не силой заставил

их спуститься в лодку. Все-таки они успели сделать три выстрела; немного позже я сам видел, как на пароходе пронесли раненых или убитых.

Меня ранило в самом начале. От потери крови или от боли я потерял сознание. Помню, как перед глазами мелькнула фигура Шнейдера у рулей глубины.

А пароход так и не поднял английского военного флага! Флагшток был перебит одним из наших выстрелов, но на нем все еще развевался испещренный звездами флаг, все еще висел предательский ответный вымпел. Это подтвердил впоследствии и штурман, последним спустившийся в рубку.

Что произошло дальше, я знаю со слов того же штурмана. Лодка имела уже несколько попаданий. В тот момент, когда рубка скрывалась под водой, снаряд ударил в иллюминатор, осколки стекла посыпались мне прямо в лицо.

На глубине 20 метров заметили, что вода проникает в центральное и носовое помещения и точно нарочно, главная помпа вдруг отказалась работать!

40 метров. Командир спустился в центральный пост. 50 метров. Сбросили баласт. Лодка все еще погружалась. 80 метров. Продули цистерны—глубина стала медленно убывать; лодка, сохраняя горизонтальное положение, пошла кверху. Когда рубка показалась над поверхностью воды, рулевой доложил, что «пароход—прямо по носу в расстоянии ста метров». Командир приказал штурману приоткрыть выходной люк и проверить рулевого. Оказалось, что рулевой ошибся, расстояние до парохода было не менее 3.000 метров. Мы приготовились уже дать ход, чтобы попытаться уйти в надводном положении, но вдруг лодка получила сильный крен на нос, зарылась в воду с открытым выходным люком, последним штурман увидел командира, внизу, в центральном, вода хлынула в лодку и преградила выход...

Я пришел в себя уже в воде. Каким образом, каким чудом мне удалось выбраться из лодки—останется для меня вечной загадкой! Ни парохода, ни «U 41», никого из нашей команды не было видно. Надо мной далекое небо, вокруг вода.

Я попытался держаться на поверхности, только держаться—плыть неизвестно куда все равно было бы бесполезно. Пока не намокла шерстяная фуфайка она помогала держаться, заменяя, увы ненадолго, спасательный пояс, но скоро уже я почувствовал, что меня так и тянет вниз, под воду. Сбросил ее, с трудом освободился от высоких сапог, стало немного легче.

Что же делать дальше? Ждать неумолимо надвигающийся конец...

Сколько времени прошло, я не знаю... Неожиданно я увидел пароход—он должен пройти почти рядом.

Славу Богу, может быть удастся спастись! Пароход подошел метров на 60. Сколько было силы, я высунулся из воды, вытянул руку, позвал на помощь...

Мимо! Я не заслужил того, чтобы быть спасенным! Я видел жестокие, улыбавшиеся лица...

Я снял с себя все, что мог, пробовал плыть, все еще пытался держаться на поверхности. Вокруг застучал град, пронесся шквал и снова стало светло. «Ну вот, теперь уже скоро... конец!» мелькнула странно-спокойная мысль.

Но в этот момент, не очень далеко от меня, показался какой-то белый предмет. Ближе... ближе... шлюпка! Брошенная, пустая шлюпка с «Urbino»!

Ценою страшных усилий мне удалось ухватиться за борт и вскарабкаться внутрь... Что это? Чьи-то крики о помощи. Голос нашего штурмана. Как и я, он совершенно выбивался из сил. С большим трудом удалось мне его втащить в шлюпку.

Только теперь я заметил, что ранен. Еще в воде все время что-то мне мешало смотреть, и тогда казалось, что это волны, перекатывавшиеся через голову. Но я ошибся: кровь стекала из раны прямо в глаза.

На наше счастье шлюпка была снабжена всем необходимым! Мы нашли самое главное—пресную воду и в большом количестве. Напившись до-сыта, я лег в изнеможении на дно шлюпки.

Отдохнув немного, штурман принялся за осмотр нашего «судна». Все оказалось в полном порядке, в корме лежал

снятый руль, на банках убранный рангоут; нашлись порядочные запасы сухарей и солонины, нашелся компас и, наконец, в довершение всего, при мне был мой верный бинокль! Вероятно, я, раздеваясь в воде, не заметил его, иначе, он, конечно, отправился бы вслед за принадлежностями моего туалета.

Мы составили «военный совет». Начало было безусловно благоприятно: прекрасная шлюпка, провизия, позволявшая нам просуществовать дня четыре-пять, конечно, если только погода не вздумает сыграть с нами какую-нибудь скверную шутку и останется такой, как сейчас: ветер NW 4 балла, зыбь от NW, море — 3, по временам град. При удаче, поставив паруса, мы, пожалуй, уже завтра очутимся на одном из «нейтральных» судов, все-таки гораздо лучше приспособленных к морским переходам, чем наша скорлупка. Перспектива заманчивая! Штурман,—он совсем не был ранен,—решительно занялся рангоутом, а я уснул—страшная усталость взяла свое.

— Господин старший лейтенант! Пароход возвращается!

— Быть не может!..

Полным ходом пароход направлялся к шлюпке. Но возьмет ли он нас! Мы оба стали во весь рост, замахали руками... Пароход лег прямо на нас, ясно, что он заметил шлюпку. Но почему-же он не уменьшает хода? На переднем мостике появилась солидная фигура в белом свитере. Пора уже менять курс! Осталось несколько минут, а потом...

— Он хочет таранить нас! вырвалось одновременно и у меня, и у штурмана.

— Скорее!—крикнул он мне с кормы,—прыгайте в воду, волна у форштевня отбросит вас в сторону от винтов!

Когда между носом огромного парохода и нашей жалкой, по сравнению с ним, деревянной шлюпченкой осталось около метра, я бросился за борт, отчаянно работая руками и ногами, выбрался, задыхаясь на поверхность и изо всех сил поплыл прочь от парохода. Недалеко от меня показалась над водой голова штурмана. Теперь мы плыли вместе к остаткам еще державшейся на воде искалеченной шлюпки, полной воды,

не погрузившейся окончательно только благодаря чудом уцелевшим воздушным ящикам. На этот раз штурману пришлось помогать мне, я выбивался из сил...

Пароход описал циркуляцию, застопорил машину и медленно подошел к нам.

— Подойдите с левого борта! Come alongside! донеслось сверху. Выкинув весла мы стали грести к левому борту. Пароход дал задний ход и остановился. Нам бросили конец, штурман закрепил его в шлюпке. Еще немного и меня подняли на палубу, за мной последовал штурман. Спасены!

Лодка погибла около двенадцати, теперь часы показывали без пяти минут три.

Палуба кишела людьми. Мне в толпе бросились в глаза несколько человек в форме. А! старые знакомые — офицеры с «Urbino», я их узнал сразу! Нас отвели в одну из кают и предложили горячего вина. Врача на пароходе не оказалось, меня старательно перевязал штурман, подбавив в воду для промывания раны немного брэнди—другого ничего под руками не оказалось!

После этого нам отвели «помещение» на верхней палубе, очень похожее просто на клетку, настолько низкую, что я не мог стать во весь рост.

Теплой одежды мы не получили. На полу «каюты» лежали два матраса с одеялами и подушкой.

На пути в Англию.

Как только нас водворили на место, пароход снова двинулся в путь. Куда — мы не знали, никто не отвечал ни слова на все наши вопросы. В конце-то концов все равно куда, ведь с нами всегда и везде могли сделать, что угодно, ведь мы пленники!

Немного спустя, к нашей «каюте» подошел пожилой матрос и осведомился, не нужно ли нам чего-нибудь. Мне поневоле досталась роль переводчика — занятие не из приятных, принимая во внимание мой порядком помятый череп и страшную боль во всем лице!

Наш «опекун» оказался старшим матросом парохода. Я до сих пор сохранил о нем хорошее воспоминание: так добросовестно старался он исполнить наши просьбы, чем возможно помочь нам.

После завтрака прошло порядочно времени. Первое, что попало теперь мне в рот, была папироска. Правда, нельзя сказать, чтобы свернувшие ее пальцы того же матроса отличались особенной чистотой, но тогда она показалась мне восхитительной!

За папиросой последовала чашка «Beaf Tea», потом: увы, я не мог даже подумать приняться за твердую пищу: каждая попытка разжать зубы хоть на один милиметр сопровождалась невыносимой болью. Зато штурман закусил недурно!

Разговорившись с нашим «благодетелем», мы узнали, что пароход укомплектован из резерва флота и что все, не исключая и офицеров, носят штатское платье.

Матрос ушел, меня охватило вдруг какое-то страшное спокойствие, в тот момент я был равнодушен буквально ко всему на свете.

— Не знаю почему,—сказал вдруг штурман, когда я растянулся на своем матрасе,—но мне кажется, что так просто дело не кончится; нам, по моему, предстоит еще кое-что.

Тогда я не обратил никакого внимания на эти слова, но впоследствии пришлось вспомнить о них не один раз.

Становилось холодно. Сырой воздух свободно пробирался в «клетку» через решетчатую дверь. Правда, ее завесили куском парусины, но любопытные, не успевшие еще посмотреть на диковинных существ, сидевших в клетке, то и дело приподнимали «занавеску».

К вечеру мне удалось заснуть, но благодаря все той же, непрекращающейся ни на минуту боли, я просыпался через каждые пять, шесть минут, вскакивал несколько раз, так что штурману приходилось заботливо укладывать меня снова. От холода мы оба дрожали, как в лихорадке.

Около 4 часов утра меня снабдили наконец одеялом. Оказывается, что пароход уже стал на якорь в гавани Фальмута. Скоро должен был приехать доктор. Немного спустя

меня завернули в одеяло, посадили на лазаретный стул и вынесли на палубу. Штурман пошел вместе со мною. В темноте мимо нас пронесли раненых или убитых, человек десять.

Я сидел на своем стуле и трясся в ожидании доктора.

После перевязки меня снова отнесли в «каюту», доктор осмотрел нуждавшихся в его помощи англичан и уехал.

На следующее утро мы видели, как чистили орудия, те самые, благодаря которым погибла «U 41» и мы сделались пленниками. Их накрыли чехлами с отчетливой надписью «Lifebelts»!

К полдню штурмана перевели в другое помещение, уже не на верхней палубе, вниз, подо мной, снабдили диваном-койкой и прочими заманчивыми принадлежностями комфорта. Время от времени он показывался на трапе и справлялся о моем состоянии.

В первом часу снова приехал доктор. Меня положили на стол, сняли повязки.

— Вы лишились левого глаза, — вдруг, точно издалека донесся голос хирурга, — вряд ли вам удастся продолжать морскую службу!

Я попросил еще раз снять бинты, мне нужно было самому убедиться... Хирург оказался прав: я ничего левым глазом не видел!

Кончено! к чему теперь надеяться на освобождение, если никогда уже мне не увидеть моря, так неожиданно, так быстро, вдруг, перестать быть морским офицером... Нервы не выдержали, и я расплакался, как маленький ребенок!

После обеда на пароход приехал морской офицер и с ним еще один, армейский, судя по форме. Меня снова вынесли в стуле на палубу.

Англичанин, моряк, говорил на чистейшем немецком языке и оказался подробно осведомленным обо всем, что так или иначе касалось нашего флота: некоторые сведения даже мне не были известны. Я ответил на все вопросы, относившиеся ко мне лично и, чтобы прекратить остальные, заявил, что был ранен и потерял сознание в самом начале «боя».

Видя, что вытянуть из меня что-нибудь существенное трудно, англичанин сказал:

— Я задам вам еще целый ряд вопросов, вы убедитесь, как хорошо мы осведомлены обо всем. Отвечайте, не задумываясь, сразу!

Действительно, ему оказались известны, например, многие имена командиров подводных лодок, он знал почти о всех походах и т. под. Конечно, ему была отлично известна и лодка, потопившая «Лузитанию».

Пришла очередь штурмана. Его вызвали на мостик и буквально засыпали вопросами и именами пароходов, однако, многого не добились и здесь.

26 сентября меня свезли на берег. Я получил пару чулок. Кроме них все одеяние мое составляли кальсоны и рубашка! На берегу ждал конвой — двенадцать матросов с офицером во главе.

Миновав пристань, мы стали подниматься по лестнице. Сколько народу там, наверху! День был воскресный... Два матроса шли теперь сзади меня, остальные по сторонам, впереди — офицер с обнаженной саблей. Нельзя сказать, чтобы очень весело было идти в толпе, где без сомнения каждый знал, кто я такой!

Невольный вздох облегчения вырвался у меня, когда мы добрались до автомобиля, приспособленного для перевозки раненых. Потянулись улицы Фальмута. Разве мог я предполагать лет десять назад, придя сюда еще кадетом на старом «Мольтке», что попаду в этот городок снова и в таком виде! Тогда мы устраивали длинные прогулки и на берегу и на шлюпках под парусами, тогда мы были в гостях у англичан, тогда был для нас сплошной праздник!

А теперь...

В госпитале.

Автомобиль остановился, мои носилки подняли на руки. Я успел заметить нескольких полицейских, отодвигавших любопытных зрителей, потом мне на голову набросили белый

платок и мы двинулись по направлению к главному зданию госпиталя. Пройдя несколько лестниц, люди остановились. Платок сняли, я оказался в большой, светлой комнате. Кроме меня здесь помещались четыре английских офицера. Трое из них были совсем еще юные лейтенанты. Что они делали здесь, в госпитале, я никак не мог догадаться: они производили впечатление людей совершенно здоровых, в койках, видимо, не нуждались вовсе, по вечерам уходили в город... Четвертый,—майор, раненый в ногу под Ипром.

Один из лейтенантов подошел ко мне и, весело улыбаясь, осведомился, где я был взят в плен. Я коротко ответил: «в море, на лодке,» и он сразу прекратил все вопросы.

Часа два два спустя он снова подошел к моей койке и, поднеся к лицу зеркало, спросил, смогу ли я узнать самого себя. Увы, это действительно, оказалось не так-то легко! Всюду на лице, где оставалось свободное место от бинтов, кожа была покрыта ссадинами и кровоподтеками. Я рассмеялся в тот момент совершенно искренно: такая ужасная перемена, так измениться и все же остаться жить!

Вечером к майору пришли две дамы, вероятно—мать и сестра, Они приветливо поздоровились со мной, потом заговорили с майором, он что-то сказал им, указав на мою койку и я уловил несколько недоброжелательных взглядов, полных, однако, любопытства и какой-то детской боязни: ведь перед ними лежал один из «Гуннов», один из тех, кого прозвали они «baby killer»!

Ночью, по моей просьбе, дежурившая в палате сестра дала мне немного морфия. Удалось заснуть на несколько часов. Утром старший врач сообщил, что получено приказание перевести меня в отдельную комнату под охрану часовых. Приказание было исполнено, и часовой, в полном снаряжении, вытянулся около койки!

Понемногу англичане становились приветливее, точно убедились на деле, что я вовсе уж не так похож на дикого зверя, на свирепого гунна!

Прошло два дня и я получил в подарок от офицеров из первой моей комнаты папиросы, книги и даже цветы. Старшая

сестра приносила газеты. Как обрадовался я, когда смог наконец написать домой!

Врачам, да и всему персоналу госпиталя нужно отдать полную справедливость: они делали для меня все, что было в их силах.

Утром, 6-го октября, в палате неожиданно появился отряд солдат и офицер приказал мне встать. Хорошо, только что же я одену?

Старший врач сжалился надо мной и пожертвовал кое-какую одежду, один из лазаретных служителей подарил мне пару чулок и огромный, ярко-красный носовой платок, нашлись где-то и туфли. В шляпе я не нуждался, все равно голова и так отлично прикрыта бинтами.

— Вас переводят в один из больших госпиталей,—сказал мне, прощаясь доктор,—там, я думаю, и уход будет лучше, и, пожалуй, кой-кого из товарищей встретите.

Пожалуй? Если только кому-нибудь еще удалось остаться в живых....

Доктора и сестры пришли пожать мне перед уходом руку, пожелать скорого выздоровления, сказать несколько приветливых слов... Я убежден, что никто из них не знал тогда, куда меня переводят!

В автомобиле, между тремя матросами с обнаженными палашами, меня доставили в гавань, на миноносец «117». Встретивший нас у трапа командир провел меня в кают-кампанию, у дверей тотчас же выросла фигура офицера с револьвером в руке, и миноносец дал ход. Задрожал корпус и первые же толчки болезненно отозвались в моей израненной голове. Неужели это путешествие затянется на долго? Иллюминаторы задраены наглухо, решительно ничего не видно. Время от времени солнечные лучи заглядывают в палубный иллюминатор на подволоке. Мне кажется, что миноносец идет на ост...

Около часу дня мы отдали якорь в какой-то гавани, меня вывели на верхнюю палубу и сдали конвою из шести матросов под командою кондуктора, от которого изрядно попахивало спиртом. Мы пересели на пароход. Теперь я догадался, куда меня привезли: Плимут. Когда мы проходили

мимо двух транспортов с войсками, откуда неслись звуки национального гимна, мой «охранитель» хлопнул добродушно меня по плечу и усмехнулся.

— Недурны кораблики, правда?

Обогнув флотилию истребителей последнего типа, пароход вошел в спокойную бухту и остановился у маленькой пристани. На берегу, высоко над бухтой, виднелись белые домики.

— Это и есть тот госпиталь, куда вы должны меня доставить?—спросил я своего конвоира.

— Oh yes, that's a very nice hospital! (О да, это отличный госпиталь!)—засмеялся он.

Начался мучительный подъем в гору. Несколько раз я принужден был садиться прямо на землю, чтобы перевести дух. Потянулись какие-то мрачные, высокие стены, впереди показалось здание с двумя зубчатыми башнями. Неприветливо глянули на меня темные окна с частыми решетками.

Веселенький госпиталь!

Мы вошли внутрь двора и остановились перед тяжелой железною дверью. Раздались голоса, в двери открылось маленькое окошечко, кто-то посмотрел на нас, потом загремели ключи, дверь медленно отворилась—и я, все еще окруженный матросами, вступил в место моего... заключения!

Комендант,—он уже успел выучить несколько слов по немецки—повел меня в «приемную», вернее комнату для осмотра. На стенах висели «форменные» куртки, кандалы для рук и для ног... Меня обыскали всего. Потом, через знакомый уже покрытый асфальтом двор, мы прошли в длинное здание. Бесконечный коридор, камеры справа и слева. В начале коридора—комната надзирателей с прекрасной постелью, ковром на полу, столом и стульями посередине и плетеным креслом около камина. Какой привлекательной, даже роскошной показалась мне эта комната, в сравнении с моей камерой № 28-й: нары, трехногий табурет, крошечный столик, таз для умывания, стакан и жестяной судок—составляли все ее убранство...

И вдруг,—Боже, как я обрадовался—дверь камеры отворилась, вошел наш штурман! Его в то время, когда я лежал в Фальмуте, перевели сюда.

— Знаете,—сказал он,—здесь похуже чем в Кельне!

В Кельне находился лагерь военнопленных, и о нем штурман много слышал от инвалидов, возвращавшихся на родину с транспортами, где он служил.

Штурман оказался прав: веселого здесь было мало. С утра и до вечера тяжелые принудительные работы. Разговаривать между собой заключенным запрещалось, запрещены были, конечно, и папиросы и вино. Спорить и протестовать было совершенно бесполезно: смирительная рубашка удовольствие небольшое! Итак мы оказались просто на просто в тюрьме, в обществе осужденных за разные дела, не слишком чистого свойства, мы—взятые в плен на войне.

Я попытался говорить с комендантом, доказывал ему всю несправедливость, всю жестокость подобного обращения с нами, он соглашался со мной, видимо даже сочувствовал, но не мог сделать решительно ничего—слишком определенные директивы были даны из Плимута. Все, чего я добился, это сносной кровати взамен отвратительных нар.

Чтобы немного ознакомить читателя с нашею жизнью, я опишу один день в кратких чертах.

Половина шестого утра зажигался повсюду свет, дверь в камеру отворялась, слышалось сухое приказание надзирателя: «вставать»! Мне было разрешено принимать по утрам ванну под неослабным надзором, правда, тех же «опекунов». Заключенные разводились по работам, а мы... Мы имели в своем распоряжении немного «свободного» времени, чтобы, сидя по камерам, мрачно размышлять о нашей невеселой судьбе.

В восемь часов—завтрак. Мы, каждый со своей миской, брели на кухню и ждали, когда подойдет наша очередь и миски наполнят чем-то отдаленно напоминавшим какао с молоком, и выдадут по булке с кусочком маргарина. Правда, несколько дней спустя, нам была предоставлена привилегия получать пищу вне очереди.

В половине девятого—«приготовление к работам», которое, в сущности говоря, заключалось в том, что нас, несмотря ни какие протесты, просто напросто загоняли в общий w. c., чтобы...!

В девять часов заключенные уходили на работу, а я отправлялся в амбулаторную комнату на перевязку. Санитарный фельдфебель обращался с моим черепом не очень-то бережно, каждый раз я выслушивал парочку комплиментов, вроде: «вы должны быть довольны уже одним тем, что до сих пор живы»! Врача у нас не было.

В час—подобие обеда, похлебка, в которой только счастливцу мог попасться кусочек жира или мяса, картофель давался всегда недоваренным. И, как всегда, на мои просьбы улучшить пищу как больному, не обращалось никакого внимания.

После обеда нас заставляли гулять в продолжение часа на маленьком дворе, со всех сторон обнесенном стенами. Нам были воспрещены все попытки посмотреть, что делается снаружи и особенно в гавани. Предусмотрительность не лишняя, но о том, что из окна моей камеры вся гавань видна как на ладони, никто не подумал!

В шесть часов вечера—чай с белым, плохо пропеченным хлебом, в восемь—тушились огни. «Спать»! Сколько раз, лежа на койке, прислушиваясь к реву сирен, свисткам а другим знакомым звукам, долетавшим из гавани, я вспоминал родной Вильгельмсгафен... Суждено ли мне увидеть его еще раз?

10 октября мне делали операцию, вскрыли глубокий нарыв на голове—явное следствие небрежного ухода за раной. Кроме того, оказалось, что и мой правый глаз готовится, повидимому, разделить участь левого. 11 октября меня отправили в военный госпиталь Девонпорта.

Здесь, первый раз после катастрофы, мне была сделана серьезная операция. Предварительное исследование показало присутствие в ране какого-то постороннего тела, засевшего очень глубоко.

18 октября меня снова уложили на стол и извлекли из «пробоины» медный винт, загнанный при разрыве снаряда мне в череп! В этот же раз я должен был лишится и своего, теперь бесполезного глаза, но когда я пришел в себя после операции, оказалось, что по каким-то мудреным причинам, его вынуть не удалось.

Уходом я пользовался хорошим, однако, все-таки меня поместили в отдельную комнату, запретив всякое общение с находившимися здесь немцами. У дверей, по-прежнему, день и ночь стоял часовой, окна прикрыли решетками.

Перевели меня отсюда, как водится, неожиданно. 6 ноября, еще до завтрака, два английских офицера доставили меня на вокзал. Какое мне предстояло путешествие и сколько времени могло оно продлиться, никто не хотел мне сказать. Пока было еще светло, я успел заметить, что во всяком случае поезд идет в северном направлении.

Может быть—подумал я,—меня везут в лагерь для военнопленных офицеров, в Н. Уэльсе?

Пересадка в Бристоле. Мы вышли на платформу, буквально набитую «томми», потом меня провели в залу для пассажиров. Без пальто, без шляпы, с кругом забинтованной головой, с немногочисленными пожитками в ярко-красном платке, да еще под конвоем двух офицеров, я конечно возбуждал общее внимание. Голод начинал давать себя знать, но никто не предложил мне поесть, а мои спутники предоставили мне только право смотреть как они обедали. Если бы у меня в кармане был хоть один пенс! Я смог бы купить кусок хлеба! Ничего не оставалось другого, как курить папиросы, одну за другой, чтобы заглушить голод. Хорошо еще, что одна из сестер подарила мне их перед отъездом.

Около семи часов вечера поезд остановился у вокзала Иорка. Для защиты от воздушных налетов огни всюду погашены, окна закрыты ставнями, трамваи без освещения. Мы пересели в коляску. Я все еще думал, что окажусь в офицерском лагере...

Какое-то высокое здание, меня «вручили» хорошо говорившему по немецки майору. Он провел меня по длинному, совершенно темному корридору, мы поднялись по лестнице, спустились вниз, поднялись снова, прошли сквозь пять по моему счету, дверей, массивных, обитых железом, захлопывавшихся неслышно за нами, и наконец, оказались в комнате, слабо освещенной огнем камина. Перед камином я заметил стул и сейчас же почти упал на него в полном изнеможении

от холода, голода и усталости. Из темноты выступила какая-то фигура... Ко мне подошел штурман Годау!

Он находился здесь, в одиночестве, уже почти две недели и, конечно, страшно обрадовался моему появлению?...

Итак, снова заключение, снова тюрьма! Почему же? За что?..

Однако, жизнь здесь оказалась более сносной, чем раньше. Майор делал все, что мог, чтобы сколько нибудь облегчить наше положение. Но многого и он был не в силах добиться, несмотря на желание, связанный по рукам вполне определенными приказаниями начальства.

Теряя порой всякое представление о времени, день за днем проводили мы в нашей комнате. Немногие немецкие книги, отыскавшиеся в городской библиотеке, были скоро прочитаны.

Из полена штурман вырезал незамысловатые шахматы, один из унтер-офицеров подарил нам старую доску для рубки мяса, из которой мы устроили шахматную доску. Целыми часами раскладывали мы бесконечные пасьянсы, сражались в «шестьдесят шесть» и т. под.

Кушанье нам разрешили получать из ресторана. Завтрак и ужин, а по воскресеньям и обед, мы готовили себе сами, распределив между собой обязанности по этой части. Я приготовлял завтрак, чистил по воскресеньям зелень и заведывал мясными блюдами. Годау специализировался на ужинах и ведал картофелем во всех видах. Мы так напрактиковались в поварском мастерстве, что при помощи горшка и кастрюли, приготовляли все в том же камине превкусные вещи!

Монотонно шли дни, один—как другой. От... до... часов—карты, пасьянс. Потом какая-нибудь ручная работа. После еды—беседы у камина. От двух до трех—прогулка. С трех до четырех—чтение, если находились книги. От четырех до шести—карты, «азартные» игры. Ужин. Разговоры, рассказы и... сон... По субботам стирка белья...

Первое время нам запрещалось зажигать огонь по вечерам, а между тем уже в пять часов становилось совершенно темно, не разрешалось ни курить, ни читать газеты. Только в середине ноября узнали мы, например, о вступлении в войну Болгарии.

Врача здесь не было. Только благодаря заботам того же майора, я имел возможность получать бинты и кое-какие перевязочные средства, которые он добывал в городе через своего приятеля, главного врача. А между тем рана на голове все еще не заживала, в ней снова образовалось нагноение, дошло до того, что майор решил отправиться в город за доктором. Он вернулся в сопровождении своего знакомого—окулиста, другие врачи отказывались лечить «какого-то гунна»!

— М-м... положите теплый компресс,—сказал после беглого осмотра доктор и ушел, чтобы не появляться больше в течение десяти дней!

Надо было предпринять, однако, что-нибудь посерьезнее. Вся правая половина лица, шея и даже часть плеча опухли, рана на левом виске опять загноилась. Видя, что помощи ждать не откуда, штурман наточил свой перочинный нож, «дезинфецировал» его всеми имевшимися под рукой средствами и решительно вскрыл нарыв, выпустив много гноя. Опухоль спала как-будто. Майор с удивлением наблюдал за моим «лечением». Несколько раз он извинялся передо мною, говоря, что все его попытки облегчить нашу участь кончались ничем и я верил и верю его словам. Он поражался моему здоровью, впрочем еще в первом госпитале я слышал восклицание врача во время перевязки: «Oh what a big healthy man». Все это прекрасно, но жить так долго с пробитым черепом, без всякого ухода, пожалуй, не под силу и самому здоровому существу на свете!

Как-то раз майор принес нам первую почту, мне прислали денег. Славу Богу, теперь я знал, по крайней мере, что дома меня уже не считали погибшим. Годау тоже получил кое-что: на первый раз «всего» восемь писем от жены и «небольшую» посылочку с чудным маслом, ветчиной, колбасой, шоколадом и т. под. Все это он, конечно, разделил между нами.

Приближалось Рождество. Давно уже мы выпросили у майора разрешение купить к сочельнику немного рома.

— Надо же зажечь плумпуддинг!—твердили мы ему много раз, в душе мечтая просто о стакане доброго грога. Маневр оказался удачным.

Урра! 11-го декабря пришло предписание перевести нас в лагерь! В тот же день, после обеда уехал, правда, не совсем самостоятельно, штурман. Тяжело мне было расставаться с ним, слишком много мы пережили во время наших скитаний по лазаретам и тюрьмам, слишком много он сделал для меня, терявшего порой всякое самообладание от мук физических и душевных, ухаживая и ободряя как мог.

Я пробыл здесь еще два дня. Наконец, пришел и мой черед, теперь уже скоро удастся встретиться с товарищами, скоро конец заключению, ведь сравнительно с этой тюрьмой-лагерь для пленных офицеров рисовался в таких заманчивых красках!

Наконец-то!..

13-го декабря, около 11-ти часов утра за мной явился офицер, одетый по дорожному. Я распростился с майором, который просил писать ему, и мы, в коляске с поднятым верхом, отправились через весь грязный, серый город, на вокзал.

Какой-то человек в цилиндре, встретил нас и провел окольным путем к поезду, указав купэ первого класса. Сопровождавший меня офицер исчез куда-то и через несколько минут появился с целой кипой газет и журналов. Наконец-то, по прошествии почти четверти года, я мог, не рискуя подвергнуться всевозможным неприятностям, приняться за чтение!

Мы проезжали через Векфильд, направляясь в Честер. Какой резкий контраст с предыдущим путешествием. Мы разговорились с английским офицером, он рассказал мне кое-что о цели нашей поездки—офицерском лагере; оказалось, что он знает, по именам хотя бы, многих наших морских офицеров, и мало-по-малу, забытые в вихре войны и тяжести плена друзья и знакомые снова вставали в памяти. Некоторые из них томились в плену почти с самого начала войны. Знают ли на родине, что они еще живы? На собственном опыте я испытал, как много значит для пленного получить хоть несколько слов из дому, как бесконечно бодрит сознание,

что там, далеко, далеко, есть люди, которые думают о тебе, заботятся, радуются, когда тебе хорошо, и болеют душой за тебя в тяжелые минуты... Если у кого-нибудь, кто прочтет эти записки, найдется друг, или родственник, или просто знакомый, которому судьба предназначила самую тяжкую участь, самое страшное испытание для солдата—плен, не забывайте писать ему, помните, что зачастую ничтожная, маленькая открытка может человеку спасти самую жизнь!

Медленно идет поезд по предместьям Манчестера. Там и здесь, по обе стороны полотна, проплывают мимо нас ярко освещенные здания, фабрики и заводы. Некоторые корпуса еще не достроены, а внутри уже кипит работа, около огромных машин копошатся рядом с мужчинами, рабочие—женщины, дети...

День и ночь, с утра и до позднего вечера, от сумерек до рассвета, стучат станки, дымят высокие трубы, напряженно работают люди.

Англия вступила в войну! Англия сражается за свое существование, за свою жизнь!

Поезд подошел к большому, низкому зданию вокзала. Мимо тянется поезд с ранеными. В вагонах, сплошь занятых койками в два ряда, забинтованные, перевязанные с ног до головы «томми».

Около шести часов мы прибыли в Денбич, в Уэльсе, и должны были ждать заказанный заранее автомобиль. Чтобы не возбуждать лишнего «внимания» со стороны публики к моей особе, офицер предусмотрительно провел меня в багажное отделение. Так было спокойнее, по дороге я уже успел услышать несколько слов, суливших мне «торжественную» встречу в зале для пассажиров!

Наконец, подали автомобиль. От вокзала надо было пройти к нему, сделав всего несколько шагов, но и этого оказалось достаточным, чтобы немного познакомиться с провинциальными нравами. Метко брошенный камень пролетел над самою головой... Автомобиль помчался по темным улицам.

— Экий народ! укоризненно заметил мой спутник, на которого, видимо, последний случай произвел тяжелое впечатление.

После длинного, холодного пути, мы добрались, наконец, к лагерю. Из осторожности, мотор остановился в почтительном расстоянии от колючей изгороди.

— Halt, who comes there!—донеслось откуда-то сверху.

— Friend,—ответил офицер.

Я выглянул из автомобиля. На высоко поставленной площадке виднелась фигура часового с ружьем за плечами.

Там же помещался ацетиленовый прожектор, ярко, как днем, освещавший бараки, обнесенные настоящим «проволочным заграждением», шириною около пяти метров.

Вдали, за изгородью, вторая вышка с часовым и прожектором. Охрана надежная, но и она бывает недостаточна, как я убедился впоследствии.

Унтер-офицер отворил, не без труда, одну за другой, две двери, мы въехали в лагерь. Я увидел здание с двумя башенками, с окнами, закрытыми железными решетками. В нижнем этаже к решеткам прижались чьи-то лица, на меня смотрели с любопытством, молча... Неужели это все немецкие офицеры? Неужели здесь, в этом мрачном здании, сразу напомнившем мне дома для умалишенных, столько здоровых людей должны влачить лучшие годы жизни...

После тщательного осмотра моего жалкого багажа, я вошел внутрь. Первым мне попался навстречу инженер-механик Корренг. Несчастный человек! Он попал в плен, взятый по пути в Германию из Америки, на пароходе. В плену с 5-го августа 1914 года, безвыходно, за железной решеткой!

Приведя себя немного в порядок, я из отведенной мне комнаты, где, кстати сказать, обои висели клочьями на стенах, прошел в столовую. Приятный сюрприз: меня ждал прекрасный, чисто по-немецки приготовленный ужин. Сильно проголодавшись, я уже собрался расправиться с ужином как следует; дверь отворилась и в столовую вошел мой старый приятель, старший лейтенант Брауне, известный во флоте под довольно странным прозвищем «Зеленый». Мы обнялись, крепко пожали друг-другу руки, он исчез так же быстро, как и появился.

Через несколько минут вокруг меня собрались почти все обитатели дома. Вопросы посыпались со всех сторон. Каждому хотелось поскорее узнать о том, что творится на родине: ведь с лета в лагерь не был прислан ни один человек, а все известия проходили через сурового цензора.

— Как идут дела там-то и там-то? Достаточно ли дома продовольствия? Что говорят о подводной войне? Кто командует таким-то отрядом? Что делается в Северном море? На востоке? Что предпринимает Тирпиц? На какой лодке вы плавали? Расскажите, как попали в плен.

— Позвольте! Дайте же ему поесть немного!

Казалось, что конца не будет вопросам и все ждали подробного, обстоятельного ответа! Я должен был говорить, говорить и говорить, как заведенная машина, в продолжение целого часа. Увы! Мой чудный ужин простыл окончательно!

— Вы не откажетесь выпить с нами стакан вина. Подвигайтесь к камину.

Я устал до полусмерти, но как было отказаться?

— Послушайте, ведь это вас я видел на маслянице в 1913 году, в Кельне? «Dom-Hotel», помните?—спросил меня старший лейтенант ф.-Реден.

— Да, конечно.

— И вот где пришлось встретиться снова. Я сразу узнал вас, несмотря на всю вашу «обмотку».

— Но как же вас выпустили из госпиталя с открытой раной?

— Из госпиталя? К сожалению, я последнее время провел в тюрьме...

— Не может быть! Вы шутите!

— Уверяю вас.

Но слушатели только качали недоверчиво головой и улыбались.

— Please, put the light out, gentlemen, it's a quarter past ten! (Пожалуйста, господа, потушите огонь,—четверть одиннадцатого)!

В дверях стоял унтер-офицер. Да, да, а мы точно забыли, где мы находимся... В плену...

Поспешно пожелав друг-другу спокойной ночи, мы разошлись по своим койкам. Если обход, появлявшийся очень скоро после приказания «light out!», заставал кого-нибудь не «на месте»—грозила целая серия неприятностей: на первый раз—запрещение ежедневной 2-часовой прогулки, на второй—дней 8—10 ареста и т. под.

Настало утро. Я собрался принять ванну.

— Видите-ли,—сказали мне,—настоящей ванны у нас здесь, по правде сказать, не имеется.

Нашлись только маленькие «сидячие» ванны и на каждую человек по шести претендентов! А скольким из них приходится вот уже в продолжение двух лет почти только мечтать о настоящей ванне? Души тоже отсутствовали, несмотря на все просьбы.

Завтрак. Невольно меня охватило какое-то тоскливое чувство при виде пленных офицеров, теснившихся за тремя длинными столами, один подле другого. Армия, флот, все почти виды оружия...

— Сухопутные офицеры, почти все взяты под Марной,—сказал мне Реден, около которого оказалось мое место.

Несчастные! И снова потянулись невеселые мысли: ведь все эти люди столько времени томятся здесь без всякого дела, не имея никакой возможности ничем помочь там на далекой родине, напрасно теряя и здоровье и душевные силы. Когда же конец?

Для мало интеллигентного одинокого человека, особенно испытавшего тяжелую нужду, привыкшего к постоянной, однообразной работе, не ждущего ничего впереди, может быть пребывание в плену и показалось бы сносным, но нам, выросшим в сознании долга, жаждущим кипучей деятельности, любившим свою работу—и вдруг оказаться оторванным от всего—от дела, от родины, от семьи! Немудрено, что за эти бесконечные дни, дни непрестанного душевного гнета, непрестанной тоски, подтачивались крепкие организмы, слабели и погибали...

— Вы скоро увидите сами, как изменились здесь многие,—сказал мне кто-то.

Действительно—это были уже не те люди, с которыми я встречался в лучшие дни. Кое-кого я знал веселыми, жизнерадостными, теперь они стали мрачными, молчаливыми... Один из них прямо таки обратился в какого то отшельника, не хочет никого видеть, ни говорит ни с кем. Другой... с какой-то ужасающей жадностью набрасывается на вино, думая, что алкоголь спасет его от навязчивых, гнетущих мыслей... Правда, нашлись среди нас и немногие счастливцы с вечным «солнцем на сердце», умевшие отгонять тяжелые мысли, умевшие весело мириться со своим положением, сохранившие еще редкую здесь способность смеяться!

Рождество! В читалке сразу стало уютно, когда загорелись, заблистали яркими огоньками две елки. Один из офицеров прочитал рождественское евангелие, Отче Наш... Каждый получил по тарелке с яблоками и орехами. Кое кому удалось во время получить посылку из дому и устроить скромное угощение. Достали вина, чокнулись... Нет, невесело все это! Мысли так и стремятся в прошлое, к другим праздникам... Для многих это уже второе Рождество в плену.

Прошлый год. Маленькая кают-компания миноносца. Все веселы, все довольны, никому и в голову не могло придти, что кто-нибудь из нас встретить следующий праздник... в плену.

Один из пленных так и не захотел принять участия в «торжестве». Сидит у себя в комнате, наверху...

Понемногу пустеет читалка. Веселье не клеится, лучше лечь поскорее и забыть тяжелую действительность, слишком уже много нахлынуло в этот праздничный вечер мучительных теперь воспоминаний. Несколько человек осталось еще поболтать за стаканом вина. Обход не является, вероятно по случаю праздника.

Только около часу ночи к нам заглянул обходный офицер, но увидав недопитые стаканы, сочувственно улыбнулся и притворил дверь.

Первый день Нового Года ознаменовался для нас целым событием: в лагерь был доставлен доктор Швейцер, старший врач одного из наших южно-африканских колониальных пол-

ков. Несколько недель он просидел на пароходе в одной из южных гаваней Америки, наконец, пароход этот вышел в Европу и... доставил доктора в лагерь военно-пленных. Сколько помнится, согласно Гаагской конференции врачи подлежат немедленному обмену? Ну, да—конечно! Почему же англичане поступают иначе?

18 января я послал в американское посольство описание гибели «U 41» и моего «спасения», прося уведомить меня о получении. Прошел месяц—никакого ответа! Я написал еще раз и снова безрезультатно. Наконец, я понял, в чем тут дело. Существовало приказание—всю корреспонденцию, адресованную в американское посольство, направлять предварительно в «War Office».

— «Военно-пленным предоставляется право иметь сношения с американским посольством, защищающим их интересы». На практике же получалось, что мы имели право только *писать* в посольство, не надеясь ни на какие ответы!

Вскоре после приезда Швейцера, местный врач, англичанин, уехал в отпуск, сдав Швейцеру свои обязанности. Конечно, мы все этому очень порадовались. Да и действительно: несмотря на то, что Швейцер пробыл у нас каких-нибудь две недели—его перевели вместе с другими врачами в Холи-порт—моя рана положительно начала заживать.

Две недели заботливого, тщательного ухода сделали куда больше, чем все осмотры, операции, перевязки в госпиталях и тюрьмах. Несколько дней спустя,—Швейцер уже уехал,—я сам удалил из левой глазной впадины последний, вероятно, кусочек стекла от разбитого снарядом иллюминатора, который и сохранил на память о погибшей «U 41».

В начале января я получил первую посылку. Я так нуждался в одежде, думал, что мне пришлют и белье. В самом хорошем настроении отправился я в контору, где все посылки предварительно вскрывались и все, что по «цензурным» правилам оказывалось запрещенным, немедленно отбиралось. Исчезали, например книги, имевшие какое-нибудь отношение к войне, и куда—я не знаю. Какие бы то ни

было напитки подлежали конфискации, спирт «должен» был отсылаться в лазарет. Колбаса, пироги и т. под. подвергались жестокой операции во время исследования их «внутренностей», где могли скрываться какие-либо известия о жизни вне лагеря! Распарывалась подкладка платья, сигары и папиросы обрезались... Неприятно было смотреть, как, у вас на глазах, зачастую рвались и портились вещи, купленные, собранные, уложенные и посланные с такой заботой, с такой любовью...

Разумеется, моя посылка не избегла общей участи. Что же в ней оказалось? Две, бережно упакованные в непромокаемую бумагу и солому бутылочки с... настойкой для желудка—подарок моей квартирной хозяйки в Вильгемсгафене, фрау Мейер! Трогательная заботливость... Однако, сколько я ни уверял, что это простое лекарство, что оно не имеет ровно никакого отношения к «спиртным напиткам», что эта настойка мне очень нужна против болей в желудке, все было напрасно!

Пленник!..

Однажды у меня отобрали книгу, автором которой был Ревентлов, написанную еще до войны и в нескольких экземплярах все равно имевшуюся уже в лагере. Мне это было особенно тяжело, потому что прислал ее мой старый друг и соплаватель по «S 24»—«Буревестник». И как обычно, никакие просьбы не помогли, книги нет у меня и сейчас.

В противоположность французам, англичане отнеслись очень сочувственно к нашему решению отпраздновать день рождения Е. В. Кайзера.

Мы своими средствами соорудили сцену, украсили стены читалки картинами и елочными гирляндами. Распорядителем праздника был мой приятель Реден. Для начала хор под управлением Редена исполнил несколько песен, потом был поставлен «пролог», сочинения старшего лейтенанта Нейербурга и им же исполненной маленькой пьеской и «случаем из войны на море», рассказанным тем же Нейербергом, закончилась первая часть. Как полагается, в антракте играл оркестр, дирижировал Реден, во фраке, похожий на немецкого кельнера, с огромным красным галстуком, остроконечной бородкой и бакенбардами. Музыкантов набралось целых

четыре человека, рояль, мандолина, флейта и барабан, сделанный из боченка. Замечательно!

Вторая часть состояла из дивертиссмента. Особенный успех имела неожиданно появившаяся «девица», с которой каждому непременно хотелось принять участие в танцах. Уже около часу ночи все участвовавшие в программе, воспользовавшись одной из пустовавших комнат, прошли торжественным церемониальным маршем мимо, принимавшего парад, старшего из нас, капитана второго ранга Валлис, удостоились за «отличное прохождение» благодарности и получили в награду несколько ящиков пива, в результате чего только к семи часам, испытывая стремительную качку, они смогли наконец «ошвартовиться» по своим койкам!

— Я хочу вам сообщить кое-что под большим секретом,—сказал мне как-то один из товарищей, имя которого я не называю по вполне понятным причинам.—Весной, сговорившись с N. и K., я решил попробовать бежать в Германию. Это возможно только при помощи подкопа, вернее, длинного туннеля, ведущего за пределы лагеря; другого способа нет! Мы работали уже с начала декабря и продвинулись настолько вперед, что в мае, выбрав ночь потемнее, можно будет,—мы по крайней мере надеемся,—попытаться воспользоваться туннелем, выход из которого мы подводим к поросшему густым кустарником месту. Однако, теперь уже работающим в туннеле не хватает воздуху, приходится своими средствами сооружать нагнетательный вентилятор, машину целую! Мастерскую устроили в нашей комнате, откуда лучше всего видно, что делается снаружи и всякие попытки англичан застать нас врасплох могут быть предупреждены. А кроме того, на всякий случай, уж если нас все-таки «накроют», мы сговорились отвечать, что «это действительно вентилятор, что он нам нужен... нужен для того, чтобы заставить гореть камин, у которого такая отвратительная тяга, вот и все!»

Быть может некоторые читатели придут в восхищение от этого, на вид хорошо задуманного и легко, казалось бы, выполнимого плана побега.

И действительно: работы успешно подвигались вперед, ничем не нарушаемые, машина была почти готова, все словом шло хорошо, но мы все упустили драгоценное правило: задумав важное дело—говори о нем поменьше, хотя бы и с самыми близкими людьми. А ведь здесь вопрос шел о побеге, о том, против чего наш лагерь был обнесен такой солидной оградой и так бдительно охранялся многочисленными часовыми! Ведь, без всякого желания подвести когонибудь под тяжкое наказание, достаточно в таком месте, как лагерь военнопленных, обронить одно неосторожное слово, обменяться самой незначительной фразой, долетевшей до чьего-нибудь очень, очень внимательного, чуткого уха и все рушится. Нет, если бежать—лучше всего одному, никому не сообщив о своем решении или, уж в крайнем случае, только немногим. Впрочем, не буду забегать вперед.

Первое, что обратило таки на себя внимание англичан, был стук и грохот, доносившийся из комнаты—мастерской.

— Что? Как? Почему?

— Ничего особенного! Камин... Дымит, никакой тяги, нам нужен вентилятор...

Первая машина была построена по принципу обыкновенного комнатного вентилятора и в один прекрасный день исчезла в туннеле. Однако, она действовала слишком слабо—опыт оказался неудачным. Пришлось обратиться за помощью к нашему инженер-механику. Он решил соорудить настоящий вентилятор миноносного типа. Материал собирали отовсюду: дерево от сигарных ящиков, олово от винных бутылок и т. под. Шланг, который подавал чистый воздух к работавшим под землей сшили из клеенки.

Работа еще быстрее пошла вперед! При входе в туннель один из нас непрерывно приводил в действие хитроумную машину, снабжая воздухом «землекопов». Сильно затрудняла заботу твердая, каменистая почва, а в нашем распоряжении, в качестве «буровых инструментов» были только зубило и самый обыкновенный штопор!

Кроме того, копать приходилось зачастую лежа в холодной как лед воде, выступавшей в туннеле, особенно после дожд-

ливых дней, почти на пол метра. Землю мы складывали сначала под полом комнаты, потом пересыпали ее в мешки, перевязывали их веревками и подвешивали в трубах стоявших без употребления каминов. Само собой разумеется, не забыли мы и электрическую сигнализацию, устроив тревожные звонки.

Туннель проходил как раз под караульным домом. Часто наблюдал я за часовыми, с таким вниманием следившими за целостью проволочных заграждений.

— Если бы ты знал, милый, что под вашими ногами идет подкоп!—думал я и не мог удержаться от невольной улыбки.

Работы шли своим чередом. Еще дней четырнадцать и... может быть освобождение! Все наши мечты, все мысли, все желания свелись к одному: только бы удался план. Да и понятно: в течение долгих месяцев не прекращалась тяжелая, изнуряющая работа, каждую ночь, часов до пяти утра. Сколько вложено в нее здоровья, сколько затрачено сил, денег, неужели же?...

— Скорее, прячьте куда-нибудь все подозрительное, сейчас будет произведен обыск во всем доме!—с этими словами в нашу комнату ворвался один из «соучастников» побега, схватил валявшуюся в углу пачку исписанной бумаги, какие-то чертежи, заметки и исчез. Едва успел я спровадить куда следует кое что из вещей, в комнату вошел комендант лагеря.

— Where is Mr......? (Где г-н.....?)

— Mr....? Не знаю!

Комендант хлопнул сердито дверью. Начались поиски туннеля.

Английские офицеры с целым отрядом солдат буквально перерыли весь дом. Теперь уже все знали причину тревоги, событие не из маленьких! Снаружи, вооруженные ломами, кирками и лопатами солдаты рыли землю в поисках подземного хода, а сверху из-за решетчатых окон, с затаенной усмешкой следили мы за работой пожилых «томми», обливавшихся потом над твердой, каменистой землей.

— Сейчас он будет пойман!

Трах! Один из «старичков» вдруг провалился в туннель. С трудом его извлекли обратно и долго еще он не мог придти

в себя от неожиданного сюрприза. Видимо, он никак не думал, что таинственный туннель найдется так скоро! Англичане собрались около рокового места, молча разглядывая черное отверстие на земле. Никто из них не произнес ни слова, только время от времени доносились до нас лаконические, удивленные восклицания: oh! Спуститься в туннель не решился никто, полагая и пожалуй не без основания, что будет немного «dangerous».

Через три часа после «открытия» туннеля, в лагерь прибыл из Честера большой, серый военный автомобиль, привезший старого генерала, двух саперных офицеров и знаменитого, судя по всему, сыщика! «Шерлок Хольмс», не теряя ни одной минуты, скрылся под землю в отверстие, вокруг которого собралось в напряженном ожидании все начальство вместе с приехавшими. Наконец из отверстия показалась человеческая рука и в ней, крепко зажатые штопор и перочинный нож!—Oh! oh!

Вечером комендант предложил всем нам собраться в читальной комнате. Он явился, гремя саблей, в сопровождении адъютанта и переводчика. «На всякий случай» в дверях вытянулись четыре солдата с обнаженным оружием. В голосе коменданта звучало сильное раздражение.

— Я,—сказал он,—так заботился о вас, я предоставил вам всевозможные удобства, я делал вам столько льгот и вот благодарность: попытка к побегу! Это совсем не «джентльменский» поступок! Далее, по мнению коменданта, старшие из офицеров, жившие в нижнем этаже, конечно, должны были знать, что под их комнатами проводится туннель, что их «непременная обязанность была немедленно доложить об этом, что....».

— Послушайте!—раздался чей-то голос,—лучше, чем давать подобные указания, поставьте-ка себя на наше место. Неужели вы не понимаете, что каждый попавший в плен,—будь то немец или англичанин безразлично,—прежде всего хочет вырваться из плена! Да ведь если кому-нибудь из ваших солдат удается бежать—их чествуют в Букингемском дворце, их представляют самому королю! Послышались одобрительные

восклицания, поднялся шум, все разом заговорили и начальство ретировалось.

Увы! Утром мы были поражены новыми распоряжениями коменданта. Я укажу только главные из них. Пользование всеми плацами для спортивных игр—воспрещалось. Под честным словом мы могли пользоваться только «краалем», как прозвали мы клочек земли метров в двести длиной и не более ста шириной, обнесенный, вдобавок, крепкой колючей изгородью. Кроме утренней и вечерней перекличек были установлены поверки и в течение дня. Даже ночью, «by rindind the handbell» (по звонку), мы должны были вскакивать с коек и ждать обхода. Во время переклички каждый отвечает установленным образом — «здесь», и пр. и пр. и пр.

Подобного отношения к нам, конечно, нельзя было оставить без внимания. День спустя на столе у коменданта появился обширный рапорт на чистейшем английском языке, адресованный высшему начальству, с подробным описанием всех нововведений в лагере. Как ни старался комендант избежать огласки, а рапорт все-таки пришлось двинуть дальше.

Результат не замедлил сказаться и результат, совсем не плохой: прогулки в «краале» были разрешены без всяких «честных слов» на следующей уже неделе. Через месяц все пошло по старому. Комендант стал проявлять заботливость необыкновенную и дошел до того, что в один прекрасный день отправился в Лондон за разрешением для нас прогулок даже за пределами лагеря!

Несмотря на гибель нашего плана, несмотря на сильную усталость—прямое следствие тяжелой работы, не хотелось терять надежду на освобождение. Но мы еще не могли установить самое главное: кто выдал нас? Правда, было сильное подозрение на одного из наших же немецких матросов, говорившего по английски и пристроившегося вестовым к местной администрации. Наконец, удалось выяснить, что этот человек, давно забывший о долге и чести, решил после войны «натурализоваться» в Англии, а пока что нашел выгодным для себя заняться «осведомлением». Когда мы окончательно убедились в этом, с будущим англичанином произошло коротенькое,

но достаточно убедительное «объяснение», уложившее его в койку на несколько дней.

Наконец-то, уже в мае, пришло давно жданное разрешение прогулок «на свободе», при условии, что желающие этим воспользоваться должны дать честное слово не пытаться во время прогулок—на них давалось два часа—бежать. Многие из нас теперь, впервые после двухлетнего безвыходного пребывания в лагере, вырвались за колючую изгородь. Все точно ожили: ведь каждую неделю, хотя бы и на два часа только, мы становились полусвободными людьми! к тому же и местность вокруг была действительно живописна. Особенно радовался наш доктор, пожилой уже человек, который, несмотря на свои шестьдесят лет, пользовался неизменно каждой прогулкой. Прекрасный ходок и страстный любитель природы он всегда соглашался на любое предложение с нашей стороны, если только речь шла о прогулке. Сколько миль исходили мы с ним по всем направлениям и как, бывало, не хотелось возвращаться домой по истечении указанного срока. Наконец-то благодаря этим живительным двум часам, мы снова получили возможность спать крепко, без всяких кошмаров и полу-бреда— результата монотонного, гнетуще однообразного существования.

В августе и наши младшие «товарищи по несчастью» дождались разрешения прогулок. Приятно и вместе с тем больно было смотреть, как они сомкнутыми рядами, под конвоем английских солдат, выходили из лагеря и возвращались обратно с песнями, слышными уже издалека: «In der Heimat, in der Heimat, da gibts ein Wiedersehn!»

Как-то в лагере появился гость: вороненок, прозванный «Яшкой», принесенный одним из офицеров с прогулки. Он был совсем еще маленький, летать не умел и поймать его не составляло никакого труда. Яшка понемногу сделался совсем ручным. Много развлечений доставил он нам, слишком уже однообразно тянулась жизнь. Почувствовав себя среди друзей, Яшка немного обнаглел, решив, видимо, что блестящие трубки, карандаши, ножи и проч. сделаны исключительно для его забавы—поневоле пришлось быть с ним осторожным!

Кому-то он досадил особенно сильно и пострадавший назначил даже премию, оценив голову разбойника в 20 шиллингов; но, на Яшкино счастье, желающих сыграть роль палача не нашлось, и Яшка остался жив.

В середине мая мы прочли в газетах предложение Швейцарии произвести всем воюющим обмен инвалидами. До этого я, единственный из всех обитателей лагеря, посещал лазарет аккуратно каждое утро, теперь же он вдруг переполнился больными! У каждого почти нашлись серьезные причины: малокровие, контузии, разные последствия ран, неврастения и пр. и пр. Некоторые же просто заявили врачу, что они предпочитают быть похороненными на материке! Вместо положенного, обычного получаса, прием затягивался часа на три, на четыре. Удивительно!

Уже в конце мая прибыла комиссия и из громадного числа «жаждущих» выделила пять человек, включая и меня. Оба швейцарских врача, да и наш, англичанин, тоже—решили мою участь без малейшего колебания, ведь еще в январе врач мне говорил, что я «вполне годен» для обмена и возвращения в Германию. Я получил удостоверение весьма определенного содержания, я больше не мог сомневаться в своем отъезде и положительно не хватит никаких слов, чтобы описать мое счастье!

Первого июля мы узнали о сражении в Скагерраке. Какая радость! Мы поздравляли друг-друга, а вечером устроили пиршество... В двенадцать часов, обход заставил нас разойтись по койкам...

Эх, если бы и нам удалось побывать в этом сражении.

В третьем госпитале—вместо Швейцарии!

Шестого июля мы, пять счастливцев, отправились в Холипорт, где должен был быть вторичный осмотр, еще одно освидетельствование. За день до отъезда мы сдали наш багаж, очевидно, для того, чтобы не иметь возможности прихватить с собою в последний момент чего-нибудь «запрещенного».

В девять часов утра подали автомобили, чтобы доставить нас на ближайшую, милях в девяти от лагеря станцию Денбич. Офицеры собрались внизу, пришли и англичане, нам жали руки, наперебой сыпались добрые пожелания. Когда тронулись автомобили, хор грянул нам вслед: «Nach der Heimat möcht ich wieder!», последние прощальные приветствия—и мы уже вне лагеря, колючая изгородь позади, мы начали путь, ведущий (кто бы мог сомневаться!) к свободе.

Еще раз, на повороте, мелькнул перед глазами наш дом исчез, закрытый частой сеткой дождя, исчез навсегда!

В Денбич нас встретили не очень сердечно... Поезд двинулся по направлению к Лондону. Быстро промелькнул лагерь военнопленных в Крьюсберри: старое здание, бывшая фабрика, приспособленная для помещения команд подводных лодок. Мне вспомнился Годау, он наверное не знает, что я еду в Швейцарию!

К вечеру показался Лондон. Издали ничего нельзя рассмотреть кроме целого леса огромных фабричных труб, выступающих то там, то здесь из густого тумана. В небе неподвижно держались привязные шары.

Поскорее бы выбраться из этой давки!—невольно мелькнула мысль, когда мы вышли из вагона на Паддингтонском вокзале, контраст между замкнутой, тихой лагерной жизнью и сутолокой вокзала был слишком резок.

— Через четверть часа поезд двинулся дальше.

Меденхид, ближайшая станция к офицерскому лагерю в Холипорте.

Комендант станции, представительный шотландский полковник, распорядился отвезти нас в один из больших отелей. Маленький «бой», с кэпи в руке, открыл массивную дверь. Вежливый портье, взял багаж, предложил воспользоваться лифтом. Мы поднялись в первый этаж. Нет, положительно, это какой то сон: прекрасная, светлая, элегантно обставленная комната, изящно сервированный чай...

Внизу, на улице кипела жизнь. В расстоянии какогонибудь метра один от другого мчались автомобили, изредка

только показывался одинокий среди всюду несущихся, ревущих машин,—кэб. Прямо перед отелем—вход в метрополитэн (подземная дорога). Около него собралось человек шесть, у каждого в руках листки с крупной, отчетливой надписью: Lord Kitchener drawned! (лорд Китченер утонул!). Так ли это? Может быть просто продиктованный какими-нибудь политическими соображениями трюк! Даже англичане не могли ответить, в чем дело—новость была слишком неожиданной.

Около семи часов мы отправились в Холипорт и что же? Приходится сознаться, что добравшись благополучно в лагерь, очутившись снова за «старой знакомой» колючей изгородью, мы почувствовали себя спокойнее: как ни хорошо было там, в шумном свете, он ежемеминутно грозил нам всякими неожиданностями не очень приятного свойства.

Первым, кого я увидел, был доктор Швейцер. Вспомнилось, как жалели мы все, когда он 14 января был переведен от нас сюда, в Холипорт. Мы еще думали, что его отправляют в Германию, удивлялись, что нет писем, хотя он обещал писать обо всем, что происходит на родине!

Здесь же помещались еще шесть врачей и между ними двое с нашего госпитального судна *Офелия*, взятого англичанами под тем предлогом, что оно, кроме своего прямого назначения, служит еще каким-то целям! Не помогли никакие протесты, пароход был объявлен военным призом, а весь персонал и команда—пленными. Однако, англичанам не суждено было использовать для себя *Офелию*: одна из наших подводных лодок быстро прикончила существование бедного парохода.

Я встретил еще нескольких знакомых, с крейсерского отряда, с разных судов, успевших много что пережить, много что сделать для родины, прежде чем попасть в плен.

Перед ужином были получены вечерние газеты.

«Крейсер *Хемпшайр*, на котором находился лорд Китченер со своим штабом, погиб. Спаслось всего двенадцать матросов».

Десятого июля состоялось вторичное освидетельствование в комиссии. Пять англичан во главе с генералом, два док-

тора швейцарца. Представители других нейтральных отсутствовали, вопреки газетным сообщениям, да из «War Office» была, сколько мне известно, получена бумага, подтверждавшая эти сообщения.

«Распоряжение было, но оно больше не действительно!» Коротко и ясно! Начался осмотр. Когда первый из морских офицеров вошел в комнату, один из врачей предупредительно заметил: «господа флотские офицеры имеют очень мало шансов на отправку!» В результате он оказался совершенно прав!

Когда очередь дошла до меня, генерал взял под руку врача, собравшегося уже приступить к осмотру, отвел его в сторону и заговорил о чем-то, но так тихо, что я ничего не мог разобрать.

— «Yes, I understand» (понимаю).—громко ответил врач и начал осмотр.

Через несколько минут я был признан неподходящим» к отправке! Почему? Как объяснить это? На каком основании?—Мне вежливо указали на дверь...

Что могли сделать все уверенья одного из наших врачей, известного окулиста, который, облачившись в сюртук с орденами, отправился в комиссию, чтобы защитить меня? Что значил отказ «удостоенных» ехать в Швейцарию, если и мне не будет предоставлено это право? Все осталось по старому!

Так как обстановка лагеря в Холипорте, казалась мне более привлекательной чем в прежнем, я просил разрешения остаться здесь. Один из разделивших мою участь офицеров желал возвратиться в свой лагерь, в Доннингтон-Халль. Наивная просьба, наивное желание! Он остался в Холипорте, я должен был вернуться в Дэффин-Эйлед. Пленники!

«Швейцарцев», как мы в шутку прозвали друг друга, поместили временно в бараках. Койки, у каждой по стулу— вся обстановка, нельзя сказать, чтобы нам было очень уютно. Прошла неделя, другая, никаких перемен, точно о нас забыли. Наконец, моему приятелю Редену и старшему лейте-

нанту Анкер (с «Гнейзенау») удалось добиться разрешения на перевод наш в так называемый «Флотский барак»—там помещались исключительно морские офицеры, большинство из спасшихся с крейсерского отряда. С течением времени им удалось устроиться довольно комфортабельно: всюду ковры, подушки, много картин. Перед окнами был разбит хорошенький садик, где по вечерам собирался «весь флот». И чего только не рассказывали мы друг-другу в эти вечера! Хорошо еще, что над нами было чистое небо, а то потолок, пожалуй, обрушился бы нам на голову. Нас, новых жильцов встретили «с помпой», разумеется не обошлось дело и без «консервированной музыки» (граммофона).

Два дня прожил я во «Флотском бараке». На третий—явился переводчик.

— Пожалуйста, укладывайтесь скорее: через час мы должны ехать в Лондон. Вас переводят в Вандсвортский госпиталь.

Можно представить себе мое изумление!

— Много не берите с собой.—Вы вернетесь сюда же.

— Есть!

Я быстро уложил ручной саквояж. Но зачем меня меня требуют в Лондон? Еще одно освидетельствование для проформы? Возможно. Или новое заключение, опять тюрьма? Ведь также вот меня поместили в «госпиталь» Фальмута! Если так, то хоть закусить на дорогу как следует—меню «госпиталей» не отличается изысканностью.

— Функе,—так звали вестового, порцию икры и два стакана портвейна, лучшего! Никогда еще я не ел с таким аппетитом, точно перед продолжительной голодовкой.

Тяжело было расставаться опять с товарищами, с близкими друзьями Реденом и Анкер. Мы не надеялись свидеться...

Снова автомобиль. Вокзал. Поезд на Лондон только что отошел, пришлось ждать следующего.

Когда поезд тронулся, ко мне обратилась дама, сидевшая напротив, протягивая газету.

— Не хотите ли?—сказала она плохо выговаривая по-немецки. Я поблагодарил, невольно тронутый этим вниманием, и погрузился в чтение.

На Паддингтонском вокзале нас встретил врач с приготовленным заранее автомобилем.

— Вы никогда не бывали в Лондоне?—спросил он, когда мы отъехали от вокзала,—нет? Ну так я покажу вам кое-что.

Чорт возьми! Кататься по Лондону в форме немецкого офицера в разгар войны с Германией! Рискованная прогулка!

Я высказал свои опасения, но переводчик из Холипорта поспешил уверить меня, что бояться нечего, «народ слишком благоразумен, чтобы позволить себе сделать что-нибудь безоружному».

Мы проехали Сити. Гайд-парк! Изредка в толпе мелькают солдатские фуражки, тянутся вереницы щегольских автомобилей, тяжело громыхают грузовики, всюду изящные, даже роскошные наряды, музыка, переполненные рестораны, кинематографы... Где же война?

Наконец, миновав шумные многолюдные улицы, автомобиль остановился перед госпиталем «Вандсворт». Огромное здание, вокруг роскошный парк. Меня провели в маленькую виллу. Из окон выглядывали любопытные лица больных—каждому хотелось взглянуть на пирата! Начало неважное: маленькая комната, окно, прикрытое металлической сеткой, за дверями часовой, наблюдающий за каждым твоим движением в маленькое отверстие на дверях. Впрочем—и не один часовой только! Мне пришлось прекратить это «обозрение диких зверей», заткнув отверстие носовым платком, иначе «полонез» в коридоре продолжался бы бесконечно.

Первым посетителем оказался главный доктор госпиталя, седой добродушный на вид. Он крепко пожал мне руку, дружески похлопал по плечу и спросил, сколько мне лет. Я даже говорить не мог от удивления.

— Я просил,—продолжал доктор,—своих больных и живущих здесь офицеров не докучать вам излишними рас-

спросами, кто вы такой, да как сюда попали и проч. Врачебному персоналу это также не интересно.

Поразительно! Неужели на меня будут смотреть только как на пациента, постараются забыть про то, что я пленный?

Действительно, так оно и оказалось. На следующее утро у меня в комнате появились цветы. Несколько дней я наслаждался полным покоем.

Как-то раз зашел ко мне английский офицер, потом посещения стали чаще и чаще. Большинство офицеров служили в колониальных войсках. Понятно о чем шел разговор. Я откровенно рассказывал о своих скитаниях по лазаретам, тюрьмам и лагерям, ничего не скрывая от своих собеседников, старавшихся порой перевести разговор на другую тему. Врачу я решительно заявил, что оперировать себя я позволю только... в Швейцарии! Я все еще надеялся в душе на человеческую справедливость. Несколько раз исследовали рану на голове, ничего не нашли, а она все еще ни заживала, все еще гноилась.

Первое июля.—The day well for England! (счастливый день для Англии). С таким заголовком вышли все газеты.

— Поразительно! Как вам кажется? 30.000 пленных?— Офицеры считали своим долгом поделиться со мной последнею новостью. Что мог я ответить? Поживем—увидим, а что касается огромных цифр, то ведь газеты должны же на чем-нибудь заработать. Третьего числа, доктор предложил мне посмотреть приемку раненых на Сомме. Около 300 автомобилей стояло перед главным зданием госпиталя. Утром все газеты пестрели рисунками и фотографиями с традиционными подписями: «наши герои». Веселые, смеющиеся лица солдат, здоровых, хорошо одетых, на вид счастливых, а теперь... Перед моими глазами были те же солдаты, тоже быть может счастливые, но только тем, что удалось хоть на время уйти оттуда, где царствует смерть и разрушение! Какой страшный контраст с этими красивыми рисунками. Вот она, ничем неприкрашенная оборотная сторона медали, кулисы войны: бледные, искаженные страданием, худые лица, разорванные,

грязные мундиры, какие-то лохмотья вместо сапог и несущиеся со всех сторон, душу надрывающие стоны... Многие из них представляли себе войну совсем иначе!

Шестого июля мое «мирное житье» окончилось так же быстро, как и началось. Утром, по обыкновению, я ушел на прогулку; меня догнал офицер в форме одного из шотландских гвардейских полков и предложил немедленно укладывать вещи и быть готовым к отъезду, к возвращению в старый лагерь. Несмотря на превосходный уход, несмотря на все удобства, представленные мне в Вордсворте, я возвращался в лагерь охотно. Как бы то ни было, но там были близкие люди, там были общие интересы. Проводили меня очень сердечно, автомобиль оказался окруженным со всех сторон офицерами и врачами, и сестрами. Даже пальцы заныли от рукопожатий.—«Вас отправляют в Холипорт»,—крикнул вслед главный врач, когда автомобиль тихо покатился по усыпанной песком аллее парка. Ну, что же,—подумал я,—так ведь и должно быть: ведь все мои вещи, по совету переводчика, оставлены в Холипорте! Смутная надежда все еще теплилась в глубине души, все еще верилось, вернее хотелось верить, что возможность попасть в Швейцарию не потеряна окончательно!

Обратно в лагерь!

Мы ехали в открытом автомобиле по улицам Сити. Сойдет ли на этот раз благополучно. На улице Виктории автомобиль должен был остановиться. Послышались громкие, бравурные звуки марша. Королевская гвардия! Троттуары полны народом, открываются окна, толпа собирается вокруг, рядом с автомобилем. Я жду молча, что будет дальше... Ничего! Сопровождавший меня офицер обратил мое внимание на флаг, развевавшийся над зданием парламента. Заседание! наш «auto» лавирует между сотнями экипажей, бесконечными кажутся эти торговые кварталы огромного города. Какой-то английский адмирал приветливо улыбнулся мне, проходя мимо автомобиля...

Автомобиль остановился перед вокзалом. Поезд уже подан, на вагонах крупные надписи—не ошибка ли это—Ливерпуль. Я не могу удержаться от вопроса.

— Куда мы едем?

— Сначала в Честер, а оттуда на маленькую станцию Денбич!

Что? Денбич? Так значит меня везут в старый лагерь, снова в этот мрачный «Дифрин-Айлед«? Быть не может! Мне казалось, тогда что жить опять там, в постоянной атмосфере сурового, гнетущего режима не хватит силы... Снова, значит, тюремные, решетчатые окна, душные комнаты старого дома, редкие коротенькие прогулки—и это в разгаре лета, когда в других лагерях, везде, пленным предоставляют возможность целые дни, с раннего утра и до позднего вечера, проводить под открытым, солнечным небом! Снова общество неврастеников, полубольных, искалеченных физически и нравственно... Я был близок к отчаянию.

В Денбич меня встретил наш доктор.

— Ну, знаете,—сказал он, здороваясь,—я предполагал все, что угодно, но если бы мне сказали о вашем возвращении несколько дней назад—ни за что не поверил бы, честное слово!

— «May be»!— мог я только ответить.

По дороге в лагерь я рассказал ему о Холипорте, о комиссиях, осмотрах, о своих просьбах, наконец, окончившихся настоящей поездкой. Он удивлялся, сочувственно качал головой... Прошло четыре недели с того дня, как в «последний» раз, на завороте дороги, передо мной мелькнул дом за колючей изгородью, казарма, вышки для часовых... И вот это все снова впереди и, Бог знает, на сколько времени!

Меня встретили радостно, но, видимо, решительно никто не ждал моего возвращения. Особенно запомнилось выражение какой-то комичной растерянности на лице одного англичанина, как-будто перед ним стал призрак.—«Но это же возмутительно»!—пробормотал он мне вслед.

Началась тоскливая жизнь, понемногу изглаживались впечатления последних четырех недель, я становился похожим на своих товарищей, начал с полной апатией встречать

день и с глубоким равнодушием ждал вечера, чтобы лечь спать без мыслей, без планов на завтра, без всякой надежды на что-нибудь новое, светлое...

В сентябре нас снова посетила комиссия. Я не хотел идти на осмотр, я знал, что это будет совершенно напрасно. Меня уговорили «попробовать еще раз» и я был назначен к отправке! Ну, что же, пора привыкать к этому, пора убедиться в том, что мнение комиссии еще очень далеко от его осуществления. Да и надоела, по правде сказать, эта кочевая, цыганская жизнь. Если бы еще удалось остаться в Холипорте.

24 октября мы отправились в путь. Вторично я покидал лагерь, в четвертый раз проделывал дорогу к вокзалу.

— Куда мы едем?—Мне все-таки хотелось услышать в ответ: «Холипорт»!

— В Кэгсворт, около Дэрби, недавно устроенный офицерский лагерь!

Вот тебе и Холипорт...

Поздно вечером мы прибыли в Кэгсворт.

— Придется еще пройти немного,—сказал комендант нового лагеря, приехавший на вокзал,—господ офицеров, кто идти не в состоянии, я могу подвести на моем автомобиле, а прочим, что же делать, придется взять багаж и добираться своими средствами!

Усталые и запыленные пришли мы лагерь. Томительное ожидание в канцелярии: ждут переводчика, он запоздал почему-то. Наконец, позвали одного из нас.

Он вернулся не скоро. В чем дело?

— Осмотр,—устало проговорил он,—подробный, таких еще не было!

Появился унтер-офицер и увел освидетельствованного.

Осмотр действительно оказался тщательным! Последнему пришлось ждать почти три часа. После освидетельствования нас провели в «дортуар» и каждому указали заранее назначенную койку. Один из офицеров не обратил на это должного внимания, выбрав койку по своему усмотрению, но быстро был водворен на свое место, безмолвным, зато очень вырази-

*

тельным жестом одного из унтер-офицеров, вооруженного револьвером.—Нельзя сказать, чтобы здесь жилось слишком свободно!—пробормотал «вольнодумец» и побрел к «своей» койке.

Большинство обитателей лагеря были взяты в плен на Сомме. Сколько рассказов, сколько ярких, незабываемых переживаний, сколько интересных эпизодов войны, веселых и грустных, выявлявших величие сознания долга и чести, раскрывающих порой и темные стороны души человека...

Капитан 2 ранга ф. Мюллер, командир «Эмдена» [1]), был тоже здесь, в Кэгсворте. Как много небылиц передавалось о нем в Германии: говорили, что ему в Лондоне был устроен блестящий прием, что он живет на полной свободе и пр. пр. А на самом деле? Всего две недели назад его привезли в Англию, после долгого пребывания, со всеми офицерами крейсера, на острове Мальта. Однажды утром он получил приказание явиться к губернатору, отправился, попал, вместо губернатора в гавань, был посажен на катер и доставлен на стоявший под парами английский крейсер! Ему не дали возможности даже захватить с собой самое необходимое, хотя бы только мыло и щетку...

Пленника водворили в маленькую каюту, приставили часового и крейсер вышел в море. В октябре прибыли в Плимут и на берегу прохожие с удивлением смотрели на страшную фигуру «беспокойного» капитана, шествовавшего к месту заключения, то самое где и я прошел «курс лечения», в легком, тропическом одеянии! Теперь он в Кэгсворте... Когда мы уезжали, это было в декабре, пришло известие, что вещи ф. Мюллера «уже» прибыли в Марсель!

Несколько дней спустя осмотр повторился; меня мучили на все лады, всеми способами, известными медицине, около часу и в результате... Никто не знал результата, мы могли только ждать и надеяться. Прошел слух, что к отправке, теперь уже «окончательно» назначено двое. Кто же? Каждый в душе надеялся быть в числе этих двух...

---

[1]) См. «Морской Сборник» за 1916 г. №№ 10—12 и 1917 г. № 1—*Эмден*. *Ред.*

Как-то утром, не ожидая ничего особенногог я по обыкновению, вошел в читальную комнату. В чем дело? Все сразу заговорили, машут руками, протягивают газету. Последний номер «Таймса», заголовок крупными буквами «The second Baralong Fall», ниже разъяснение английского адмиралтейства. В «Дейли Ньюс» помещен рассказ о гибели «U 41», со слов лейтенантов Анкер и Редена, несколько раз упоминалось мое имя...

Я имел теперь все основания считать себя обреченным на жизнь в Англии до конца войны. Теперь то уже меня наверное не выпустят в Швейцарию? И что бы газетам обождать со своими «сенсациями» каких-нибудь две недели— тогда я был бы уже на материке! Обидно... Несколько дней после моего «выступления в печати» один из английских офицеров спросил меня, правда ли, что обо мне было написано в газетах? Видимо, он ни войной ни политикой не интересовался вовсе, ведь, на мое несчастье, даже маленькие листки и те перепечатали описание катастрофы. И каждый номер газеты с неизменным, кричащим жирным шрифтом, заголовок приводил меня положительно в отчаянье. Столько крику! Конечно, я не буду в Швейцарии... И, по правде сказать,—так ведь уже устроен человек—я начал свыкаться с этою мыслью. Теперь меня занимал другой вопрос: как бы выбраться из этого лагеря—уж очень он мне не нравился.

Попробовать разве, — думал я иногда, — возбудить ходатайство об оставлении меня здесь на все время? Тогда, судя по опыту предыдущих ходатайств, рассуждая логично, они должны будут заставить меня прокатиться куда-нибудь в другое место!

По моим расчетам ошибки быть не могло. Однако, в конце ноября, выяснился результат освидетельствования. Двое — слухи оказались не совсем верными — были «отставлены». Один из них, он до последней минуты буквально жил надеждой на отправление, — не выдержал и лишился чувств, очень уж натянулись нервы. — Второй, — мелькнула быстрая мысль, — это я, наверное. Хоть бы вернули в Холипорт по крайней мере... Только бы не... я машинально протер глаза:

неужели это не ошибка? Нет, черным по белому написано. Я предназначен к отправке!...

28 октября, совсем готовые к отъезду, собрались мы внизу, перед домом. Багаж осмотрен, последние формальности выполнены, мы простились со всеми. Минут за пять до отправления явился полковник с телеграммой. «War Office» — отъезд откладывается! Почему? Что за причины? Никто не мог нам этого объяснить! Снова, значит, томительное ожидание, опять эта гнетущая неизвестность...

В Швейцарию!

Понедельник, 4 ноября 1916 года.

У дверей главного здания собрались обитатели лагеря, чтобы во второй раз, — надо надеяться и в последний — проститься со «швейцарцами». Маленькая задержка в канцелярии, понадобились какие-то бумаги. Ну кажется все! Ровно в половине десятого, провожаемые товарищами, мы вышли из лагеря. Несмотря на то, что все еще не верилось в конец плена, что перспектива свободной жизни в нейтральной стране казалась несбыточной сказкой, невольно нас охватило радостное настроение. Прощай Кегсворт! Подошедший поезд привез еще нескольких «счастливцев» из лагеря Даннигтон. Халль, но в силу каких-то особых соображений, нас отправили отдельно от них.

Стемнело уже, когда мы приехали в Тилабюри, (на Темзе, в получасе от Лондона). Сомкнутой колонной, с узелками и чемоданами в руках, похожие на эмигрантов, мы были «доставлены в целости» на большой, ярко освещенный госпитальный пароход *Llandovsry Castle.*

Нас поместили в одной из палуб, ниже ватер-линии парохода. Там уже находились «швейцарцы» из Холипорта. Как они были удивлены и обрадованы в то же время, когда увидели меня в числе «эмигрантов»! Около 10 часов пароход двинулся вниз по реке. Что же, еще один шаг вперед, цель путешествия становится ближе с каждым оборотом винтов. Но — прошло всего несколько часов — корпус вдруг задрожал

от заднего хода, с грохотом пробежал канат в клюзе, мы стали на якорь. Где мы находились сказать было решительно невозможно — отвратительное состояние для морского офицера. «Дома», бывало, каждую минуту знаешь свое место, в любой момент почти сможешь определиться, а теперь, загнанные чуть не в трюм, мы не могли даже заглянуть в иллюминаторы: их плотно завесили парусиной и весьма определенно «просили» нас не пробовать открывать их.

И вдруг наша «палата», тускло освещенная красными «ночными» лампочками, озарилась проникшим откуда-то снаружи, ярким светом. Прожектор с военного судна! Действительно, немного спустя у нас на левом траверзе появился английский истребитель. Он конвоировал нас до утра.

5 ноября. Несмотря на предупреждение, нам удалось таки незаметно «разоружить» один из иллюминаторов. Можно было украдкой наблюдать затем, что творилось «снаружи». Около нас оказалось тридцать или сорок грузовых пароходов. Вся компания направлялась в Канал, но, видимо, ей что-то мешало как оказалось впоследствии, в этом районе была усмотрена наша подводная лодка. Точно пара ищеек сновали около пароходов истребители, оберегая суда от притаившегося где-то «пирата», задавшись целью не дать ему возможность урвать жирный кусочек! До утра 6-го мы простояли на месте.

6 ноября. В 10 часов дали ход, а уже к полдню опять отдали якорь! Англичане рассказывали, что какое то госпитальное судно подорвалось на мине в Канале. Тем временем, к нам подходили все новые и новые пароходы, мы насчитали уже около семидесяти. Мы порадовались невольно: ведь все это показывало, что Англии не так легко давалось господство над морем. С наступлением полной темноты мы двинулись дальше.

Часов около десяти вечера в наше помещение стал проникать удушливый запах гари, появился дым. Немного спустя оставаться в палубе не было уже никакой возможности, не рискуя задохнуться. Пришлось бросить теплые койки и подняться палубой выше, где собралась и наша команда, выгнанная дымом из трюма. Горело где-то в корме, попутный ветерок заставлял черные клубы дыма расползаться по

всему пароходу. Забегали люди, слышались отрывистые слова команды, всюду протянулись пожарные шланги, выбрасывавшие мощные струи воды под напором полным ходом пущенных помп; а крен становился все больше и больше. Что же оказалось? По рассказам санитаров, пароход пришел в Лондон после непрерывного шестинедельного плаванья в Средиземном море (Мальта, Салоники и пр.). Команду обещали уволить в отпуск, а, вместо этого, пришло предписание идти с нами в Гавр. Это пришлось не по вкусу экипажу парохода и они не придумали ничего лучшего, как инсценировать пожар на корабле после выхода в море. Правда, «шутка» имела успех: команда добилась своего, пароход резко изменил курс на обратный, «пожар», как и следовало ожидать, потушили довольно быстро, а к утру мы находились уже в виду Дувра.

7 ноября. Около полдня пароход ввели в гавань, нас должны были в тот же день перевести на другое госпитальное судно для продолжения путешествия, прерванного таким неожиданным образом. С иллюминаторов сняли парусину, как будто здесь, в гавани меньше было «интересного» для нас, чем в открытом море. Прошел день, наступила ночь, за нами никто не являлся, мы все еще ждали и ждали...

8 ноября. Утром пароход переменил место. Мы проходили мимо целой флотилии небольших госпитальных судов. Вероятно, одно из них пойдет с нами? Оказалось, дело обстояло не так просто! Мы ошвартовились у стенки, по которой проложен был железнодорожный путь, нас посадили на поезд, загромыхали стрелки, застучали в быстром беге колеса, замелькали станции и... к вечеру мы благополучно попали в Лондон, после пятидневного путешествия морем... Нельзя сказать, чтобы мы очень уже успешно двигались к цели! Если так пойдет дальше... Впрочем, к семи часам нас доставили, не задерживая в Соутгэмптон, где стоял предназначенный для инвалидов-военнопленных пароход-госпиталь *Wurilda*. Шла погрузка угля...

9 ноября. Некоторые неисправимые оптимисты уверяли, что к вечеру мы будем уже в Гавре...

В полдень в проливе Соллент пароход отдал якорь. Стояли до вечера. Судя по количеству судов, становившихся на якорь, одно за другим, недалеко от нас, — возможно, что опять в море не все было благополучно! Однако, ночью, вместе с еще двумя госпитальными судами, *Wurilda* миновала Канал и на следующее утро подала швартовы на стенку гавани Гавра.

10 ноября. После долгого, становящегося все томительнее по мере приближения к цели, ожидания мы пересели, наконец, в поданный поезд. Разместились, положили багаж и снова погрузились в беспросветное ожидание, не имея возможности до самого вечера хоть немного пройтись, хоть немного «размять» члены после бесконечного сиденья на одном месте. В 7 часов поезд тронулся! В 10 часов — Руан, на вокзале работают пленные немецкие солдаты.

В час ночи опять остановка; поднявшись на койке, я заглянул в окно вагона. Судя но всему — какой то большой город. Глаза понемногу привыкли к темноте; вдали обрисовался знакомый по рисункам и фотографиям силует: Эйфелева башня. Ну, что же, по крайней мере, я могу немного похвастаться тем, что благодаря войне, мне удалось, если и не побывать, то хоть проехать три раза через Лондон и раз через Париж!

11 ноября. Целый день в поезде, идущем почти без остановок. Вторая ночь в вагоне, где помещалось нас, офицеров, сорок человек! Коек не хватало, спали кое-как, на стульях, на своих вещах. Мы попробовали заявить об этом поездному врачу.

— В немецких поездах не лучше!—был короткий ответ.

12 ноября. В час ночи—Лион. Около восьми, к общей радости подали швейцарский состав. К нам в вагон пришел доктор, швейцарец, и участливо расспросил нас о всех наших нуждах. Давненько уже не слышали мы приветливых, дружеских слов! На вокзале всюду несли охрану французские кирасиры, а мы в это время перебирались в «нейтральный поезд!». Сознание, что скоро теперь уже вражеская земля останется далеко позади придавало новые силы, помогло преодолеть страшную усталость. К сожалению, все

таки один из офицеров, совершенно разбитый тряской вагона и ужасной обстановкой путешествия, почувствовал себя так плохо, что его пришлось оставить в Лионе.

Снова человек!

Около 2-х часов вокзал Лиона медленно поплыл назад. Но мы все еще не пересекли границу, все еще французские кирасиры сопровождали нас в поезде. Случись что-нибудь и снова лагерь, снова колючая изгородь!

Темнело. Вагоны должны были освещаться газом, все, повидимому, находилось в полной исправности, но никто не умел пустить свет, единственный человек в поезде, кроме французских солдат, швейцарский доктор, конечно, не мог помочь нам, при всем желании. Мы продолжали путь в темноте.

Беллегарде. Урра! Конвоиры покидают поезд!

А вот и граница... Все еще в голове как-то не укладывается сознание конца плена, конца всем мытарствам, начала свободной жизни!

Издалека видно зарево огней над Женевой. Поезд замедляет ход, чаще и чаще мелькают в окнах дома предместья. Что это? Мы ослышались, вероятно! Где-то крики ура... Еще, ближе... Все бросились к окнам. В темноте мелькают маленькие фигурки: дети, машут флажками, кричат ура, кто-то запел «Wacht am Rhein», и звонко разносятся в вечернем воздухе чистые звуки детского голоса. Первое приветствие!

Около шести часов поезд подошел к вокзалу Женевы. Платформа полна народом. Дамы с большими красными крестами на платьях входят в наш вагон, поздравляют с приездом, разносят бульон, хлеб, колбасу, сыр. Какой-то господин протягивает свой «альпеншток».—«Возьмите,—говорит он,—вам пригодится, наверное захотите познакомиться с нашими горами!»

Выглянуть в окно нет никакой возможности—со всех сторон сыплется целый дождь свежих ароматных цветов! По-

является корзина, до верху наполненная гвоздиками. Кажется, у нас и места скоро не хватит!

— Мы найдем место!—слышатся веселые голоса и не видно конца всем милым знакам внимания...

Один из встретивших подошел ко мне.

— Скажите, пожалуйста,—вежливо спросил он,—не вы ли—старший лейтенант Кромптон?

— Да, это я.

— Вот и прекрасно, значит можно телеграфировать на Бодензее, там в Констанце задержаны до вашего прибытия в Женеву двое англичан, теперь и они смогут выехать.

После получасовой стоянки мы двинулись дальше.

В вагоне тесно—все буквально завалено цветами, корзинами, ящичками и коробками всевозможных фасонов и величин, с самым разнообразным содержимым. Мы все еще находимся под впечатлением встречи в Женеве. Теперь-то, наконец, можно сказать—«свободны»—в лучшем смысле этого чудного слова!

Ночью остановка. Ольтен—поезд придет через четыре часа,—проносится по вагонам. Офицеры, едущие в восточные кантоны отправляются дальше,—мы, в ожидании поезда, собираемся в зале 1-го класса, где уже заботливо приготовлен ужин. Час ночи! Целые груды телеграмм, пачки открытых писем сдаются в контору: так хочется, чтобы дома, на родине, скорей бы узнали, что близкие люди не пленные больше, что они снова вступают в свободную жизнь.

В пять часов подали поезд на Люцерн. Перегон часа два, но никто не сомкнул глаз, не до того было в эти лучшие быть может часы всего существования.

В купе заглянула совсем еще юная сестра и спросила, не может ли она чем нибудь помочь Мы как могли сердечнее поблагодарили ее, она тихо притворила дверь и пошла дальше, из одного вагона в другой, из жаркого купэ прямо на вздрагивающую, скользкую площадку, на холодный, пронизывающий ветер, и так до самого конца поезда. Она не ложилась всю ночь, на следующую ей предстояло еще больше дела в одном из обратных поездов—и ни одной жалобы на

усталость, ни тени раздражения. Мне часто вспоминается эта хрупкая фигурка с красным крестом на белоснежном переднике, живое олицетворение милосердия и любви, эта маленькая самоотверженная исполнительница сурового долга, отдавшая свою молодую жизнь на борьбу со страданием, умевшая одним появлением только внести и радость, и свет, и теплую ласку!

В семь часов—Люцерн. На вокзале наше новое «начальство», кое-кто из товарищей, вырвавшихся уже из плена, успевших насладиться жизнью в этой чудной стране.

Отель «Du Lac». Снова сердечная встреча, трогательное внимание со всех сторон. Прекрасный завтрак. Милая «депутация» ребятишек с букетами цветов.

Старший из немецких офицеров, когда все собрались в зале, произнес маленькую речь, поздравил нас с благополучным приездом, указав на то, сколько добра уже успел сделать нам швейцарский народ, многим сохранив и самую жизнь. Он просил нас, инвалидов, лишенных возможности сражаться, лишенных возможности пролить кровь за благо отечества, воспользоваться днями покоя, набраться здоровья и сил, поработать над самим собой, подумать о будущем, чтобы, по окончании ужасной войны, отдать эти силы родному народу, помочь ему снова создать то, что разрушено и уничтожено небывалой войной! Закончил он глубокой благодарностью, от имени всех германских солдат, стране, обратившей внимание на самое тяжелое для них существование, жизнь в плену...

Около девяти часов «интернированные»—не «пленные» больше!—пересели на пароход. Моим местопребыванием был наaначен Битцау. Радостные крики ура на пристани, прелестный отель, уютные комнаты и нескончаемые рассказы в светлой столовой за изящно убранным «полным» столом...

После обеда пришли лейтенанты Реден и Анкер, которых я мог наконец поблагодарить за все, что они сделали для меня и, несмотря на почти десятидневное утомительное путешествие, несмотря на усталость, очень поздно добрался я до своей комнаты, что уснуть крепким сном уже выздо-

равливающего человека, уснуть, мечтая о близком свидании с любимыми, родными людьми, обо всем, что обещала мне жизнь в Швейцарии, рисовавшаяся в таких радужных, светлых красках!

Ст. лейтенант **Кромптон.**

Перевел с немецкого Ал. **Холодняк.**

Март 19 г.

Вышли в свет новые книги.

Муравьев, Л. Курс радиотелеграфного дела. Электромагнитные волны и их применение в целях сигнализации. Для средних техников. Изд. 3-е, перераб. и дополн. П. 1918 г. 275 стр. Ц. 16 р. («Рассмотрение «Курса» создает прежде всего впечатление законченности . . . Изложение не оставляет желать ничего лучшего: книга написана языком простым, точным и ясным, она обильно снабжена чертежами — на протяжении 275 стр. текста—150 чертежей . . . Книга заслуживает высокой похвалы в качестве курса для средних техников и может быть настоятельно рекомендована во 1) всем интересующимся радиотехникой в современном ее состоянии вообще, во 2) для высших техников радиотелеграфного дела, желающих иметь под рукою род конспективного сборника сведений о радиотелеграфии и в 3) наконец, для преподавателей радиотелеграфного дела, как образец новейшего руководства». И. Р. «Морской Сборн.» № 3 за 1919 г.).

Муравьев, Л. График передачи и приема по радио. П. 1919 г. с 10 стр. текста. Ц. 3 р. Имеется в продаже и без объяснительного текста. Ц. 1 р.

Беспятов, М. Учебник по навигации. 2-ое исправ. и доп. изд. 155 стр. Ц. 10 р. («Курс навигации изложен ясно, сжато и применительно к требованиям практики». Е. «Морской Сборник», № 3 за 1919 г.).

Блинов, В. Сборник задач по электротехнике (Постоянный ток). 135 задач с подробным решением. Пособие к самостоят. прохождению курса электротехники. П. 1919 г. 49 стр. Ц. 5 р.

Блинов, В. На Мурмане. По личным воспоминаниям. П. 1917 г. 55 стр. Ц. 3 руб. («Весьма интересно и живо составленное описание путешествия автора в 1906 г. на Мурман. Личные наблюдения и впечатления дополнены новейшими данными, почерпнутыми из ряда печатных трудов, посвященных нашему северному Поморью. Брошюра написана популярным языком и читается с неослабевающим интересом». «Балт. Морск. Транспорт», № 3 за 1919 г.).

Панаев, П. (Переводчик). Флот Соединенных Штатов. П. 1919 г. 51 стр. Ц. 3 р.

Старший офицер Z—181. Z—181 (На цеппелине из Германии к Букаресту). Пер. с нем. А. Холодняка. П. 1919 г. Ц. 3 р.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Введение. Ч. I. Русские морские силы на Дальнем Востоке с 1894 по 1901 г., 505 стр. Ц. 5 р.

Гибель „Ормесби“,—драма во льдах Полярного моря. (Эпизод из великой мировой войны). Сообщил Давыдов. П. 1919 г. Ц. 4 р.

Лукашевич, С. Записки сумасшедшего матроса. С иллюстр. П. 1918 г. 143 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Холодняк, А. Женщина и др. рассказы из морской жизни. П. 1918 г. 154 стр. Ц. 5 р. («Сборник из шестнадцати небольших рассказов . . . изобличая в авторе исключительного знатока и тонкого наблюдателя морского быта, развертывает перед читателем одну за другою яркие картины военно-морской жизни и благодаря живому и талантливому изложению, вводит читателя в этот мир, делая его понятным, близким и привлекательным . . . Все рассказы читаются удивительно легко, все с более и более захватывающим интересом . . . Книжка издана замечательно изящно, отпечатана на великолепной бумаге». «Балт. Морс. Трансп.» № 4 за 1919 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Муравьев, Л. Курс радиотелеграфного дела. Ч. I. Электротехника постоянного и переменного тока в применении к радиотелеграфии. 3-е перед. и доп. изд.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Книжный Склад Народного Комиссариата по Морским делам.

Петроград, Дворцовый проезд, Главное Адмиралтейство, телеф. 583—31.

